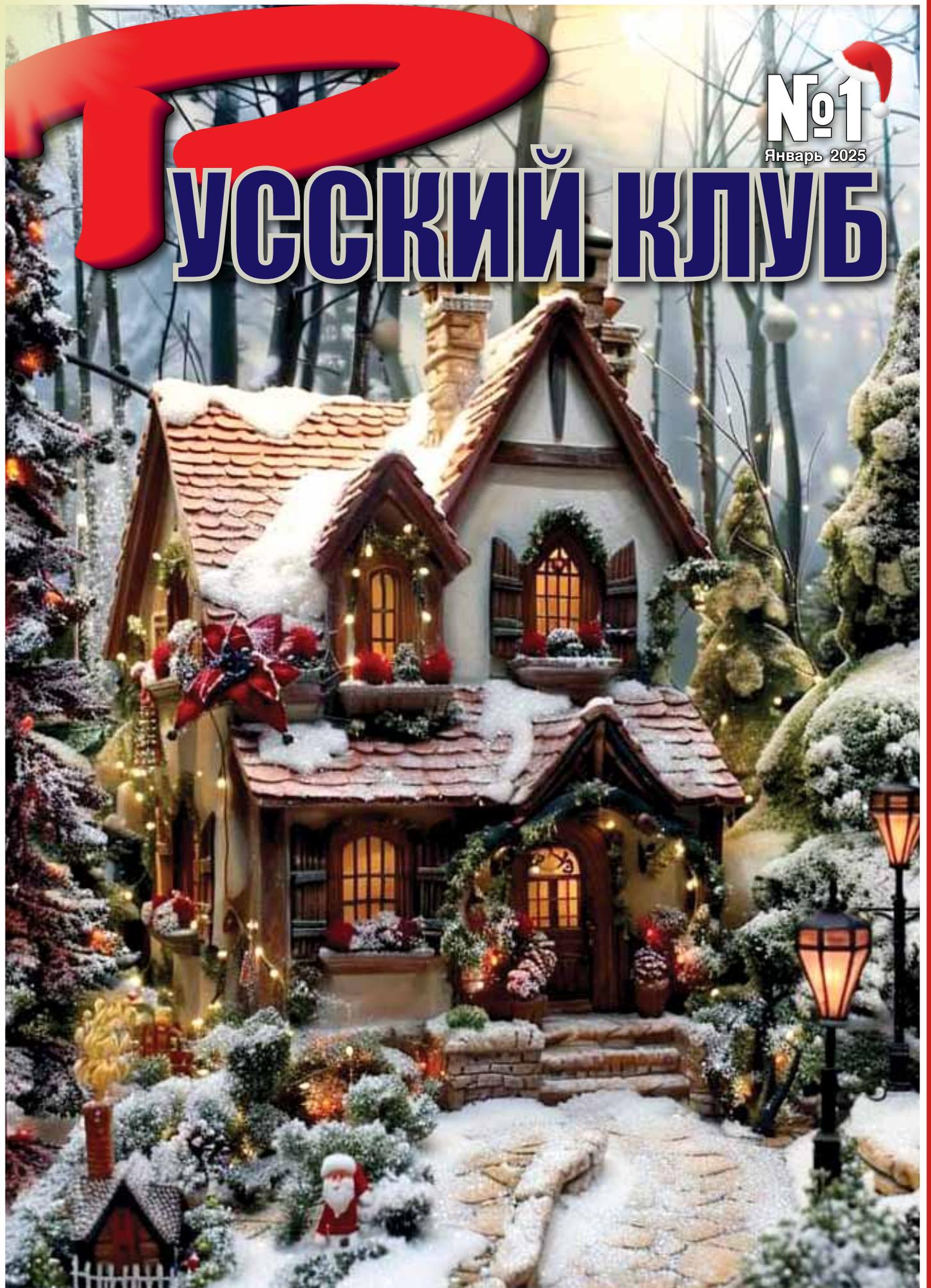

№1
Январь 2025

РУССКИЙ КЛУБ

В дни новогодних каникул Театр им. А.С. Грибоедова с успехом представил музыкальный спектакль по мотивам сказок Г.-Х. Андерсена «Капризная Принцесса». Премьерные показы совпали с днем рождения режиссера-постановщика, главного режиссера театра Андро Енукидзе. Сердечно поздравляем Андро Владимировича с 60-летием и с премьерой!

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Демико ЛОЛАДЗЕ
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

Корректурa
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Александр ЭБАНОИДЗЕ

Армения
Каринэ ХАЛАТОВА

Беларусь
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
**Князь Никита ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ**

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Заур КВИЖИНАДЗЕ
Елен ДОРИС

Франция
Граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№1
(231)
Январь 2025

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 С НОВЫМ ГОДОМ!
- 5 ЮБИЛЕЙ НАРОДНОГО ПИСАТЕЛЯ
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 10 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 12 МОИ ГОДА – МОЕ БОГАТСТВО?
ЕЛЕНА ГАЛАШЕВСКАЯ
- 18 СОХРАНИТЬ СЕБЯ
ОЛЬГА СЛОНИМСКАЯ
- 23 ТЕАТР «ДОКТОРА ДАПЕРТУТТО»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 29 «НАДЕЖДА, ОКРЫЛЯЮЩАЯ ДУШУ...»
АКМЫРАТ РЕДЖЕПОВ
- 33 И МЫ УЖЕ НАВЕКИ БУДЕМ ВМЕСТЕ...
- 34 ГИГАНТ ЖУРНАЛИСТИКИ
ТЕНГИЗ ПАЧКОРИЯ
- 39 «И НА ПОМОЩЬ Я ЛЕЧУ, КАК ВСТАРЬ»
ГЕОРГИЙ ЛЕОНИДЗЕ
- 40 «МАСЛЯКОВ НЕ НУЖДАЕТСЯ В ЗАЩИТЕ»
НЕЛЛИ СКОГОРЕВА
- 44 КАРИ ДА ЧИТИ
ТАТЬЯНА АСТРИТ
- 50 ЗОЛОТЫЕ РЕБЯТА
ТЕНГИЗ ПАЧКОРИЯ
- 52 «АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ, Я ТЕБЕ СОЛГАЛ...»
ИГОРЬ АЛЬМЕЧИТОВ
- 54 ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Сердечно поздравляю вас с Новым годом и Рождеством! Хочется верить, что этот год принесет нам, нашей стране, нашей планете счастье и благополучие. А главное – мир.

«Русский клуб» встречает 2025 год с особым волнением и радостью, ведь он для нас юбилейный – журналу исполняется 20 лет.

231 номер, около 12 тысяч страниц, почти 3 тысячи публикаций, около трехсот авторов из разных стран. А сколько у нас благодарных читателей, я даже не берусь сосчитать – все равно собьюсь со счета.

И каждый наш номер – о Грузии и для Грузии, во имя любви и добра, во славу Родины и культуры.

Спасибо вам, дорогие наши читатели, за внимание, за преданность!

Спасибо всем, кто помогал и продолжает помогать «Русскому клубу», – ваша поддержка бесценна!

Будьте счастливы, друзья!

И пусть наша дружба не кончается!

Искренне Ваш,
Николай СВЕНТИЦКИЙ

ЮБИЛЕЙ НАРОДНОГО ПИСАТЕЛЯ

На вершине плато Нуцубидзе, откуда открывается великолепный вид на Тбилиси, расположен дом с живописным садом, в котором цветут яблони и переливаются золотистым цветом корольки. В этом доме уже много лет живет Народный писатель Грузии, классик грузинской литературы, лауреат Государственной премии имени Шота Руставели, обладатель всех регалий, которые человек может заслужить на литературном поприще – Реваз Мишвеладзе. В январе 2025 года он отмечает 85-летний юбилей. Мы сердечно поздравляем Реваса Авксентиевича с памятной датой и предлагаем вниманию читателей интервью с выдающимся писателем.

Кетеван МГЕБРИШВИЛИ

– 1 января мне исполнилось 85 лет, но, мне кажется, что я бессовестно долго живу на этом свете. Учитывая пройденную жизнь, мою творческую биографию, беспокойную эпоху, в которой мне довелось жить, а также непростую судьбу моей родины, по всем законам логики, меня не должно быть в живых. Но, благодаря воле Всевышнего, пока стою в строю.

Мое родное Таргамеули – одно из красивейших сел Мартвильского района. Каким образом я, имеретинец, попал в самое сердце Самегрело? Отца деда моего деда, Алекси Мишвеладзе, окон-

чившего Кутаисскую духовную семинарию, направили служить настоятелем церкви села Таргамеули. От него ведет начало наш род, уже седьмое поколение Мишвеладзе живет здесь, мы являемся такими «омегрелевшимися» имеретинцами. Правда, в семье мы храним как реликвию документы, удостоверяющие личность священника Алекси Мишвеладзе, но многие наши родственники, двоюродные и троюродные братья, пишутся как Мишвелия.

Мое детство прошло в этом селе на берегу реки Техура. Родители были педагогами. Отец, Авксентий, на момент моего рождения был директором школы, он окончил Кутаисский педагогический институт, где учился вместе с Ладом Асатиани, Гоги Шаламберидзе, Леваном Кикнадзе. На третьем курсе института отец женился на местной красавице, Тине Гвелесиани, родом она была из Верхней Имерети, Сачхере. Ладом Асатиани был свидетелем на свадьбе, а затем стал моим крестным. Когда его совершенно незаконно взяли в армию (он тяжело болел), он оттуда написал письмо отцу: «Смотрите, не обижайте моего крестника – Резо». Быть может, этот прекрасный поэт во время крещения и не смог «передать» мне свой талант (тогда ему было 23 года, а в 27 он ушел из жизни), но я считаю, что не посрамил своего крестного отца.

Мне было семь лет, когда родители переехали в Кутаиси. В 1941 году, с началом войны, отца должны были призвать на фронт, но у него, директора школы, была бронь. Наша семья испытывала финансовые затруднения, поэтому отец каждое лето на три месяца отправлял нас с братьями и сестрой в Таргамеули. Во мне всегда была так сильна ностальгия по деревне, что в городе по ночам снилось, будто стою на берегу реки Техура и удочкой ловлю рыбу. Эта рыбная ловля была отчасти обусловлена нашим стесненным положением: когда мы возвращались с рыбалки с ведром, полным улова, в семье была большая радость – в тот день закуска к горячему гоми

С родителями, братьями и сестрой

была обеспечена. Не так давно я нашел наш дом в Таргамеули, который в свое время родители продали. Это мегрельская сосновая ода с тремя большими комнатами. Я приобрел ее за весьма скромную сумму, ведь постройка к тому времени была уже очень старой, обветшалой. Мои двоюродные братья привезли сюда из Тбилиси множество наших семейных фотографий, моих книг и повесили на оде мемориальную доску: «В этом доме с 1940 по 1958 год жил Народный писатель Грузии, лауреат премии Руставели Реваз Мишвеладзе». Мне, конечно, было неловко, но в то же время и приятно. Чтобы выразить свою благодарность Таргамеули за теплоту, которую местные жители проявляли ко мне в детстве, я передал в дар деревне три с половиной тысячи книг из моей личной библиотеки. Сегодня это библиотека Таргамеули, она носит имя Реваза Мишвеладзе.

– В школьные годы в Кутаиси у вас была репутация начинающего литературного критика, верно?

– Да, это так. В школе у нас был очень хороший учитель грузинского языка, Вара Самхарадзе, он привил нам любовь к литературе. Тогда обучение велось с помощью двух учебников: литературной хрестоматии и книги по разбору произведений. Мне достаточно было один раз прочесть текст, и я уже мог разо-

брать повесть. Мы с Роином Метревели вместе окончили школу, в один год, и были неразлучными друзьями. Его мама, Нино, принимала меня как родного сына. Мы вместе ходили во Дворец пионеров на несколько кружков: юных писателей, молодых альпинистов и т.д. Словом, наша жизнь была ключом, вместе с Роином мы выступали на различных конкурсах, школьных олимпиадах, пару раз нас даже послали на научные конференции в Тбилиси. Мы считались чуть ли не самыми активными учениками школы. У нас обоих были одни пятерки по грузинской литературе. В один прекрасный день, когда я сдавал Варе статью Серги Чи-

лая про Эгнате Ниношвили, он остановил меня и сказал: «Когда прочитаешь Ниношвили, рассказывай мне не словами Серги Чилая, а своими собственными, ты уже в десятом классе, и должен самостоятельно разбирать произведение». Я пришел домой, и первое, что попало мне под руку, был сборник стихов хевсурского поэта Габриела Джабушанури. Написал рецензию на книгу, отнес в редакцию газеты «Сталинец». Заведующий литературной частью прочел статью, спросил: «Ты кем приходишься Авксентию?» Я сказал, что это мой отец: папа был известным педагогом в Кутаиси, читал лекции в институте, параллельно работал в театре. Моя статья была сразу же напечатана. Окрыленный успехом, я написал еще несколько статей. Мне было легко писать критические очерки, профессию критика тогда никто не выбирал, все сочиняли стихи или рассказы. Вот так я и сделал первые неуверенные шаги в литературе.

– Тбилисский государственный университет для вас не только *Alma mater*, вы прослужили в нем без малого полвека.

– Это часть моей жизни, я там не родился, но вырос. С 1959 года был студентом, потом аспирантом, еще во время учебы в аспирантуре, в 23 года, начал читать лекции, некоторые из моих студентов были старше меня. В 24 года защитил кандидатскую диссертацию, начал работать над докторской, и в 31

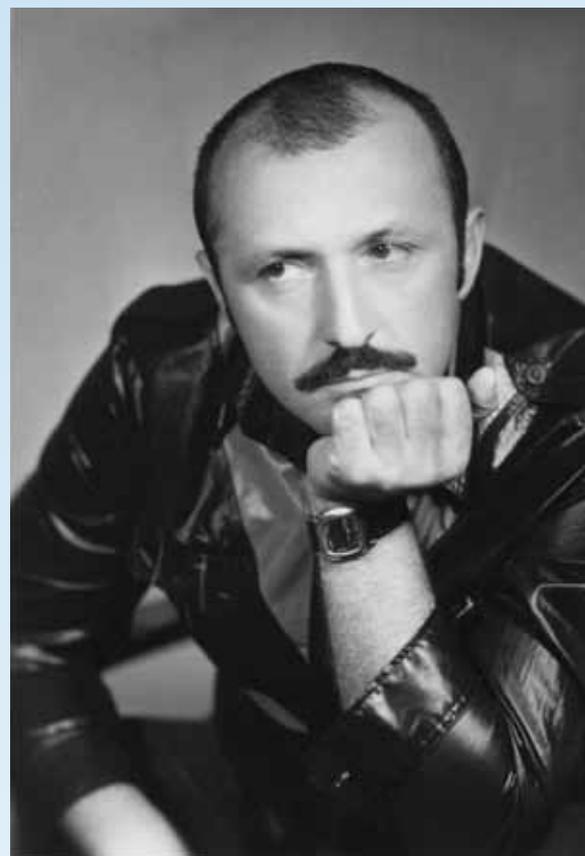
С одноклассниками

год, самым молодым в Грузии, защитил докторскую диссертацию на тему «Современная грузинская поэма». Затем был доцентом, профессором, заведующим кафедрой истории новейшей грузинской литературы. В стенах университета прошла целая жизнь. Тогда этот вуз не был таким, каковым является сегодня – застывшим, почти бездействующим. Ничего нового там не происходит. На днях зашел туда, никого не узнал, и никто меня не узнал. Весь ужас состоит в том, что в 2006 году большинство профессоров и научных работников, которые отличались государственным мышлением и были приверженцами национальных ценностей (всего 2327 человек!), психически неуравновешенный президент Михаил Саакашвили буквально выдворил из университета с помощью полиции, без всякого объяснения, одним росчерком пера. И оставил лишь тех преподавателей, кто относился лояльно к правящей партии. Спустя несколько дней после этого, когда я вошел в здание, комендант мне сказал: «Вы больше не являетесь сотрудником университета». Меня чуть не хватил удар! Университет практически остался без опытных, именитых педагогов. Зато приглашенные с улицы «молодые ученые» «освоили» почетные должности профессора, заведующего кафедрой университета. По сей день они ходят туда с рюкзаками через плечо. Ректор, назначенный Саакашвили, снял портрет Иване Джавахишвили со стены кабинета ректора, я сам был этому свидетелем. Как мне сказали, теперешний ректор, Джаба Самушия, спустя двадцать лет, вернул портрет Джавахишвили на надлежащее место. Но он не смог восстановить научные кабинеты – имени Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели, Галактиона Табидзе, Константина Гамсахурдия, кафедре современной грузинской литературы. В мое время в Тбилиском госуниверситете почти каждую неделю проходили встречи с общественными деятелями, учеными, известными писателями. В 1959 году, будучи студентом первого курса, я был свидетелем того, как пригласи-

ли Галактиона Табидзе, а спустя несколько месяцев – Константина Гамсахурдия. Тогда я впервые воочию, вблизи увидел этих гениев. До сих пор помню стихи, прочитанные Галактионом. Помню голос Гамсахурдия – он был родом из Абаши и говорил с резко выраженным мегрельским акцентом. Мне очень неудобно говорить о своих заслугах, но на протяжении пятидесяти лет я был профессором этого вуза, из них тридцать лет заведовал кафедрой, воспитал огромное количество докторов наук, первым создал учебник по современной грузинской литературе, который сегодня представляет собой настольную книгу для высших учебных заведений по всей Грузии. Университет был для меня настоящим кладом науки, а сегодня с огромным сожалением хочу отметить, что он существует лишь формально, но фактически упразднен.

– *Вы как-то сказали, что до тридцати лет не брались за создание серьезной прозы, поскольку не считали себя готовым к этому.*

– Литература для меня нечто большее, чем просто профессия. А началось все много лет назад. В тот период в Союзе писателей руководителем кружка молодых писателей был известный критик Бесарион Жгенти. Он в моем представлении был неприступным, сильным, непобедимым критиком. Слово «критик» во времена моей молодости имело некоторый «грозный» оттенок – была советская эпоха, и если писателя резко критиковали в прессе, его положение было не то чтобы совсем безнадежным, тогда уже не сажали в тюрьму, но путь в издательства был надолго закрыт: не напечатали бы новую книгу, не опубликовали бы рассказ в журнале. Я не пользовался славой «грозного» критика, больше писал литературные исследования, очерки и т.д. Однажды Бесо Жгенти пошутил: «Если про писателя напишешь хвалебную статью – он один будет рад, а остальные его коллеги воспримут тебя в штыки, а если напишешь критический отзыв, тот один будет обижен, а другие – рады. Такова горькая судьба критика, наша профессия – неблагодарная».

Чтобы более утвердить себя на литературном поприще, я начал с написания критических статей, раскритиковал Ладо Авалиани, Ревазу Джапаридзе, даже Нодара Думбадзе. И одного поэта-фронтовика, Шакро Самадшвили – зачем я к нему пристал, не знаю. Сидим как-то раз в Союзе писателей, кто-то положил руку мне на плечо: «Этот ты Мишвеладзе? Ну-ка выходи в сад, поговорить надо». Смотрю, Самадшвили стоит, такой высокий, мускулистый, прошедший через Вторую мировую войну. В школе я некоторое время ходил на бокс, поэтому приготовился к тому, чтобы увернуться от удара. Было ясно, что он пришел меня хорошенько отлупить. «Резо, разве ты меня знаешь? В твои годы я в окопах сидел, у меня боевая рана размером в твой рост. Чего тебе от меня надо? Ты думаешь, что я могу писать стихи получше, но нарочно не делаю этого? Чем мне поможет твоя критика? Если даже дашь мне нашатырь, все равно лучше не напишу. Сам переживаю, что из меня худой поэт вышел. Если ты настоящий критик – критикуй хороших поэтов: Иосифа Нонешвили, Ираклия Аба-

шидзе. А я, бедный человек, как серая мышь, сижу себе в уголочке, на что я тебе сдался? Думаешь, «побил» меня?» После разговора с Шакро Самадшвили я пришел домой и сказал жене Нателе, что должен бросить заниматься литературной критикой.

Раньше, когда я читал чужие новеллы, у меня часто было чувство какой-то незавершенности: где-то характер не ярко выражен, где-то сюжет фальшивый. И я начал сам писать новеллы. Набрал пять рассказов и отнес Георгию Шатберашвили в журнал «Цискари». Он собрал писателей, в том числе, уже известных мастеров пера, и сказал, что прочтет им рассказы, не называя имени автора, и предложил угадать создателя произведений. Прочел одну новеллу, другую... Кто-то сказал: «Не продолжай дальше, мы угадали кто автор. Это Резо Чейшвили». А сам Чейшвили там же сидел, и воскликнул: «Нет, не мои это рассказы! Но они лучше!» Я чуть с ума не сошел от радости, а Шатберашвили сказал, что все пять будут напечатаны в «Цискари», и представил меня

аудитории. «Мы его знаем, он же критик!» – воскликнули все. От меня никто не ожидал прозы. После этого мои рассказы стали печататься в «Мнатоби», «Литературной Грузии» и т.д. Однажды мне звонит сам Константин Лорткипанидзе, директор издательства «Накадули». Это редчайший случай, когда он сам позвонил автору. «Приходи ко мне, и принеси всю прозу, что написал». Я пришел. В одной папке у меня критические статьи, во второй – новеллы. Папку с критикой он отложил в сторону. «Давай другую папку». Там было около сорока новелл, он все взял к себе домой, на третий же день пустил в типографию и напечатал в твердом переплете. «Ты молодой парень, а я уже перевалил за семьдесят, и я говорю тебе, ты – первый новелист в Грузии», – сказал он мне. И издал книгу 50-тысячным тиражом. Вот так произошла моя метаморфоза от критики к прозе.

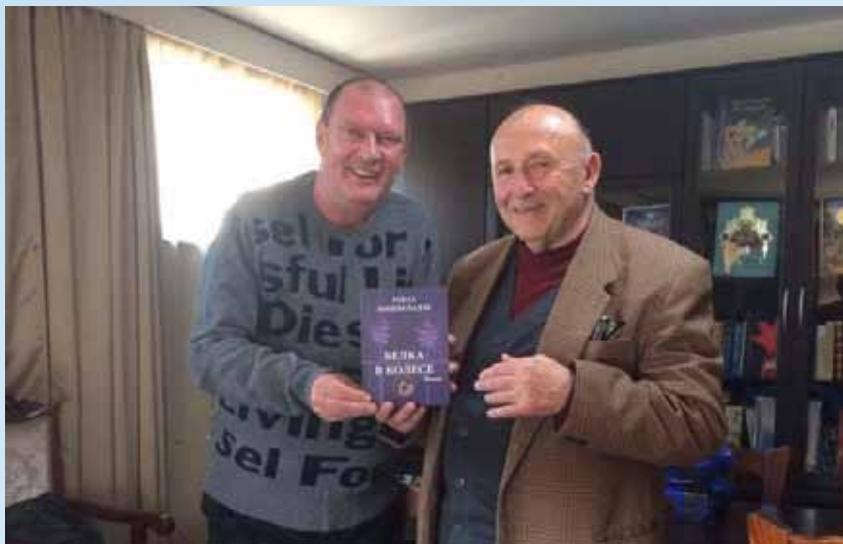
– *Вы говорили, что писатель по своей сути должен быть оппозиционером, «добрым оппозиционером».*

– Это высказывание касается отношения писателя к власти придержащим. Доброжелатель обязательно укажет человеку на его недостаток, я и сейчас благодарен, когда кто-либо указывает на мои недоработки. Но не дай Бог, чтобы писатель не переживал за судьбу своей родины. Однажды я был докладчиком на заседании Союза пи-

сателей и сказал, что писатель должен оценивать политические события в своей стране. Резо Инанишвили встал и сказал: «Очень уважаю тебя, Резо, но с тобой не согласен. Что общего между политикой и литературой? Писатель заканчивается там, где начинается политика». А я ответил ему: «Ты можешь представить Илью Чавчавадзе без политики?» Инанишвили нечего было возразить на мой аргумент. Поэтому на протяжении всей жизни я был и остаюсь политиком.

– *Ваш роман «Белка в колесе», опубликованный несколько лет назад, вызвал большой резонанс в обществе, вследствие чего вы были представлены от Грузии на Нобелевскую премию по литературе. Как появилась идея произведения?*

– Мы все переживали террор Саакашвили, его вредительскую политику в отношении Грузии. Главный герой романа – Лаврентий Микава, личный фотограф президента, фиксирующий каждый его шаг. Президент сам выбирает, какие фото должны попасть в прессу. Както раз Саакашвили зовет к себе Лаврентия, жалуется, что его нелицеприятные портреты напечатаны в иностранных газетах, и обвиняет в этом фотографа. Через несколько дней Миша опять вызывает фотографа и говорит, что должен посадить его в тюрьму, чтобы другим фотографам неповадно было отсылать компрометирующие его

С Николаем Свентицким

На вечере памяти Славы Метревели в театре им. Грибоедова

снимки за рубеж. Президент пообещал, что скоро его выпустит, и ничего плохого с ним не случится. Таким образом 70-летний Микава попадает в камеру, но, вопреки обещанию Миши, его не выпускают на волю, а таскают на допросы и предъявляют обвинение в измене родине. Пожилому фотографу придется несколько лет провести в заключении. Как-то утром на тюремной прогулке вместе с другими узниками он видит Саакашвили в костюме арестанта. Лаврентий рвется к нему, чтобы проучить, но просыпается в холодном поту: это был всего лишь сон. Хотя теперь мы уже знаем, что бывшего президента спустя несколько лет посадили. Эту книгу в переводе Владимира Сарисвили прочел Николай Свентицкий, руководитель Союза «Русский клуб». Я сказал ему, что это немного антиправительственный роман, а он ответил: «Если бы ты знал, сколько я смеялся, читая «Белку в колесе». Сейчас же напечатаю книгу, ты не волнуйся, я найду для этого средства». И напечатал.

В Грузии от писательского сообщества на Нобелевскую премию в разные годы были представлены всего четыре писателя: Григол Робакидзе, Чабуа Амирэджиби, Отар Чиладзе и ваш покорный слуга. Никто из них не получил премию.

В моем случае в отборочном комитете Шведской академии работал представитель Союза писателей России, который зво-

нил мне и сообщал: «Ваш роман прошел очередной отборочный тур». Изначально на соискание премии в тот год было представлено четыреста человек, затем осталось двести, потом сто номинантов, на завершающем этапе осталось пятьдесят писателей, из которых выбирали лауреата. Вот среди этих пятидесяти соискателей было мое имя. Не знаю, какие факторы повлияли на окончательное решение комиссии, я лично не стремился получить премию, для меня было важно, чтобы моя родина, Грузия, удостоилась этой чести. Однако судьба распорядилась иначе, и премию передали писательнице из Беларуси Светлане Алексиевич. В одном из ее произведений описано, как из концлагеря Майданек, находящегося в Польше, бежали заключенные. Они убежали из места заключения, но все еще находились в зоне, где могли быть настигнуты немецкими солдатами. Вот идут беглецы по болотной местности, среди них молодая женщина с четырехмесячным ребенком на руках. Малыш время от времени плачет и естественно, может привлечь внимание солдат. Присели они на пару минут, чтобы отдышаться, и ребенок снова заплакал. Один из беглецов сказал: «Если что-то и наведет солдат на наш след, так это плач ребенка». Минут через пятнадцать беглецы слышат бульканье воды: оказывается, женщина, чтобы не выдать товарищей, пожертвовала

жизнью своего ребенка. У меня холодеют руки, когда я вам это пересказываю, настолько поражает меня ее поступок. Никакое спасение беглецов не может послужить причиной для гибели ребенка, жизнь малыша должна быть высшей ценностью для человека. Я так считаю.

– Как вы отмечаете свой юбилей?

– В настоящее время в Грузии очень непростая политическая и социальная ситуация, проводятся многочисленные акции протеста, в шествиях принимают участие люди, вышедшие на

улицу, поддавшись влиянию различных политиков. Мое отношение к Евросоюзу и к России выражено в моих книгах, и все желающие могут ознакомиться с моей позицией. Мне предложили провести юбилейный вечер в оперном театре. Однако в сложившейся ситуации я не считаю правомерным проводить какие-либо торжества по поводу своего 85-летия.

Фотографии из фондов Национальной Парламентской библиотеки Грузии и архива «РК»

ОТ ДО

Роб АВАДЯЕВ

ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ 195 ЛЕТ

Традиционным печатным изданием русских просвещенных людей последнее столетие считается знаменитая «Литературка». Свою историю советского периода она ведет с апреля 1929 года. Но на самом деле, «Литературная газета» начала свою славную биографию столетием раньше. В первый день 1830 года, или 13 января по новому стилю вышел самый первый номер газеты, основанной группой друзей-литераторов с участием Пушкина и Вяземского. А основателем этого издания стал Антон Дельвиг, лицейский друг Александра Сергеевича. Газета выходила раз в пять дней и очень нравилась читателям. Ведь там печатались с продолжением книжные новинки не только русских писателей, но и зарубежных – Теодора Амадея Гофмана, Вальтера Скотта, Людвиг Тика, а еще драму «Кромвель» молодого Виктора Гюго и первые главы «Собора парижской Богоматери». Правда, редакторского запала владельцу «Литературки» Дельвигу хватило только на первые два тома, так называли тогда пухлую газету. Он уехал в Москву и следующие десять номеров выпускал Пуш-

кин. На Дельвига никто не обижался, все знали его характер, в Лицее его называли с легкой руки Пушкина «сын лени вдохновенный». Это был чудный, добрый, верный друг и весьма интересный литератор. Но его последнее начинание не очень понравилось «наверху». Сначала запретили политические темы. Но, как это принято у интеллектуалов, было много намеков, иносказаний, обходящих запреты. Однако первую «Литературную газету» преследовало неудовольствие властей предредакционных – в августе 1830 года главный редактор получил два серьезных выговора за публикацию стихотворения К. Делавиня, посвященного открытию памятника жертвам июльской революции. И барону Дельвигу было официально запрещено редактировать. И выпускать «Литературку» стал более покладистый Орест Сомов. Он заполнил ее страницы произведениями благонадежных авторов. Интерес к газете сразу упал, и летом 1831 года газету закрыли. Но через десятилетие открыли вновь. В ней печатались Гоголь, Баратынский, Белинский и Некрасов. Но эта версия газеты просуществовала девять лет, и на этот раз терпению властей пришел конец. А новый этап жизни «Литературной газеты» начался уже в советское время. Она жива и выпускается по сей день. «Литературку» по-прежнему любят, читают и с нетерпением ждут каждого нового выпуска.

СОБИРАТЕЛЬ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ

Великий князь Московский Иван III Васильевич родился 22 января 1440 года. Он был сыном не самого удачливого Василия Темного, которого ослепили конкуренты. Но это не помешало отцу Ивана Васильевича править Русской землей, и править вполне разумно. Конечно же, Ивану пришлось с самой юности всерьез заниматься вопросами управления большой страной. А это было непростой задачей, так как на Руси еще было татаро-монгольское иго. Но сказать по правде, татары были уже не так сильны, и их больше интересовала только дань с русских городов. Воевать они не очень хотели, ограничиваясь посылкой отрядов баскаков или карательными набегами малых отрядов на непокорные города. Но русские князья становились сильнее год от года. И наконец, Иван Васильевич вовсе отказался присягнуть великому хану, разорвал грамоту и не стал больше платить ему дань. И татарские ханы, хоть и помнили о поражении столетней давности на Куликовом поле, сговорились с польским королем и решили большим

войском пойти походом на Русь и принудить князя Ивана Васильевича к покорности. Тем более, что у того возникла распря с братьями Борисом Волоцким и Андреем Большим. Татарский хан Ахмат решил зайти на Русь с союзных ему литовских земель. Но Иван Васильевич послал войско под командование своего старшего сына Ивана с опытными воеводами на границу между Литвой и Русью, на реку Угру. Ахмат с войском расположился неподалеку и постоянно посылал отряды к разным переправам, прощупывая возможность форсировать Угру. Русские же войска растянули фронт тонкой линией вдоль берега на 60 верст, отбивая татарские атаки артиллерией. Но невзирая на распри, братья Борис и Андрей устыдились и отправили свои дружины сражаться за родную землю. И хан Ахмат задумался, ему очень не хотелось большой битвы. Похоже, его устроило бы перемирие и получение невыплаченной за семь лет дани. Так два войска и стояли на разных берегах, не решаясь на серьезные действия. В татарский лагерь зачастили русские переговорищники, которые не столько препирались с разгневанным ханом, сколько посещали шатры его приближенных с богатыми дарами, чтобы те уговорили Ахмата отступить. К тому же на польское Подолье напал союзник Великого князя Ивана крымский хан Менгли I Герай, и поляки на подмогу татарам не пришли. А русский князь Василий Ноздроватый-Звенигородский с сильным отрядом на челнах спустился по Оке и Волге разгромил столицу Большой Орды Новый Сарай. А когда наступили первые холода, русское войско неожиданно снялось и ушло. Озадаченный Ахмат решил, что ему готовят ловушку, и отступил. Кстати, на обратном пути его убили те самые приближенные. Так было свергнуто монголо-татарское иго. А самого московского князя при жизни называли Иваном Великим. И это не зря, потому, что Иван Васильевич славен не только ратными успе-

хами. Он стал Собирателем русских земель. До него границы Московского княжества простирались от Калуги и Тулы на юге до Великому Устюга на севере и Нижнего Новгорода на востоке. А Иван III подчинил себе Тверь, Новгород, Хлынов, выйдя к Уралу, Балтийскому и Белому морям, возвел на другом берегу Нарвы крепость Ивангород, отвоевал у Литвы Великие Луки, Брянск, Чернигов, и даже в первый раз взял Казань, вторым был его внук Иван Грозный. Он первым назвал себя не московским князем, а Великим князем всея Руси и созданное им Московское государство, впервые стали называть Россией. Иван Васильевич вторым браком женился на племяннице последнего византийского императора Софье Палеолог. Это сделало Россию преемницей Византийской империи. Он отстроил Кремль, при нем был построен Успенский собор, в котором венчались на царство все цари и императоры. «Измученная Европа, – говорил К. Маркс, – в начале княжества Ивана III едва ли даже подозревавшая о существовании Московии, зажатой между Литвой и татарами, была ошеломлена внезапным появлением огромной империи на восточных своих окраинах».

КОРОЛИ ВСЕЯ РУСИ

Очень непривычно звучит прозвучавшее – «король Всея Руси». Ведь всем известно, что в истории России были только князья, цари и с эпохи Петра Великого императоры. А короли были только в западноевропейских странах, ибо их назначения утверждали римские папы. Но оказывается это не совсем так – были русские короли! И первым из них стал Ярополк Изяславич, внук Ярослава Мудрого. А случилось это так: Ярополк в 1073 году был изгнан из Киева и вместе со своим отцом Изяславом бежал на запад. Но родственник жены Ярослава германский король отказал им в помощи, и отец с сыном отправились к папе Григорию VII. Тот дал им аудиенцию

и поддержал Изяслава и Ярополка, признав своими вассалами. Папа короновал в Риме Ярополка королевской короной и теперь власть в Киеве должна была принадлежать их династии. А еще Григорий VII написал польскому королю Болеславу и запретил тому воевать со своими новыми подопечными. Отец с сыном вернулись на родину, но Изяслав не рискнул сообщить соотечественникам о папской булле и что у них есть король. Так этот исторический прецедент не получил большую огласку и практически был забыт потомками. А самым знаменитым русским королем стал Даниил Галицкий в XIII веке. Он жил в беспокойную эпоху, и всю свою жизнь воевал – то со своими родственниками, то с другими конкурентами на его власть и владения, то с иноземцами и, конечно, с напавшими на Русь татарами. Рассчитывая на помощь западных соседей в сражениях с Ордой, Даниил согласился принять от римского папы Александра IV в 1253 году королевский титул. И именовался сначала «герцогом», а после «королем русским». Королями называли себя и его потомки – сын Лев Данилович, внук Юрий I Львович и его дети Лев и Андрей. Эти себя так называли, но их таковыми не очень-то считали. А еще себя русскими королями называли литовский князь Миндовг, хотя короновали его как короля Литвы, Русь он себе просто приписывал, и еще один из польских Пястов, Юрий II Болеслав – он по отцу был из Галицких. В итоге, кроме Даниила Галицкого никто русским королем всерьез и не побывал. Не нашим оказался этот титул, нам цари попривычнее.

ДОЧЬ ЯРОСЛАВА, ЖЕНА ГЕНРИХА, МАТЬ ФИЛИППА

А вот самой настоящей королевой и даже не Руси, а Франции оказалась юная киевлянка по имени Анна. Ее отцом был великий киевский князь Ярослав, сын Владимира Красно Солнышка, который крестил Русь. И родилась она примерно в начале 1025 года, за давностью лет более точно день назвать нельзя. Она была младшей и любимой дочерью Ярослава Мудрого. Ее отец был очень серьезным правителем и умным дипломатом. Он использовал династические браки для улучшения международного влияния Киевской Руси в Европе. Все три его дочери были замужем за королями – одна за норвежцем, вторая за венгерским монархом, а третьей Анне довелось отправиться в далекую Францию. Ее суженным должен был стать Генрих I, сын короля Роберта из династии Капетингов. Генрих был старше русской невесты, ему было 43 года и до этого был женат. Толь-

ко его супруга умерла при родах. Сказать, что он уж очень хотел новой жены пусть и из богатой и благополучной, но очень далекой страны. Просто все королевские дома Европы были в слишком тесном родстве. А для нормального династического процесса нужна была «свежая кровь». Генрих был храбрым, но не очень везучим правителем, при нем Франция все слабела. И женитьба на Анне из далекой Руси обещала прервать череду неудач, ведь за ней давали немалое приданое, которое можно было употребить для государственного устройства и пополнить войско. Анна родила Генриху четырех детей. Ее старший сын стал королем Филиппом I. Но вот семейная жизнь ее была недолгой, всего 9 лет. А после Анна неожиданно для себя оказалась одним из двух регентов Франции и ей пришлось всерьез управлять чужой ей страной. Но в те времена женщины были не так влиятельны, и Анну просто отодвинули. А через пару лет молодая вдова взяла и снова вышла замуж за графа Рауля де Крепи. Скандал был невероятный, супругам была заказана дорога в приличные места. Но, похоже, те 12 лет, что они провели в браке, были счастливыми. Рауль умер, и Анна вернулась ко двору, но называлась уже не королевой, а матерью короля. Есть версия, что она вернулась на родину, но это недостоверно. Вряд ли ее в Киеве кто-нибудь ждал. Вероятнее всего она так и умерла на чужбине в возрасте примерно 50 лет. Ничего особенно важного Анна, которую абсолютно неверно иногда называют Аньес (Агнессой), не совершила. Все-таки тогда был больше «мужской мир». Но ее венценосные потомки на французском престоле совершили немало великих деяний. Кстати, Анна Ярославна была дамой образованной, знала языки и много читала, а вот знаменитую славянскую библию, на которой присягали французские монархи, привезла во Францию скорее всего не она.

МОИ ГОДА – МОЕ БОГАТСТВО?

■ Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

Когда человек готовится разменять девятый (!) десяток, тем более если это один из самых известных и авторитетных журналистов страны, хочется задать уйму вопросов – ведь именно ему, Андрею Белявскому, довелось быть свидетелем и участником множества знаковых событий, интервьюировать видных деятелей искусства, ученых, политиков, спортсменов, быть знакомым и дружить с интереснейшими людьми эпохи...

Перед встречей невольно волнуюсь – хоть мы давно знакомы (когда-то вместе работали в газете «Кавказский акцент»), но уже много лет не виделись. А он совсем не изменился – высокий, стройный, спокойный, ироничный. И с ним по-прежнему невероятно интересно беседовать.

– Каким было ваше самое первое интервью?

– Я его просто не помню. Лучше расскажу о несостоявшемся интервью. Это был первый приезд Аллы Пугачевой в Тбилиси в 1979 году. Артистов разместили в гостинице «Ачара» напротив Дворца спорта, где и проходили концерты. Пару дней спустя была пресс-

конференция. По окончании подхожу договориться об интервью. Алла явно очень устала, о чем я ей и сказал, предложив встретиться на другой день. «Ой, спасибо вам! Давайте тогда послезавтра, у меня последний концерт». Прихожу с диктофоном на последний концерт и чувствую – что-то не то... В одной из песен она «пустила пету-

ха». С галерки раздался свист, Алла – два пальца в рот и свистнула в ответ... В конце антракта, когда певица, окруженная свитой, направлялась к сцене, я подошел уточнить насчет интервью (теперь-то понимаю, что в тот момент это было лишним), а она резко так: «Не видите в каком я состоянии?!» Не пойму до сих пор, почему я воспринял это

Василий Белявский, прадед

как отказ. Закончился концерт. Думаю, что делать, куда идти. Пошел в «Ачару», слоняюсь по вестибюлю в расстроенных чувствах. Вдруг сверху по лестнице сбегает Буба Кикабидзе: «Привет! Ты что такой потерянный?» Узнав причину, успокоил: «Э, они у меня в гостях вчера были, выпили все, что было в доме. Не переживай, пошли со мной в бар. Я там для них стол накрываю». Спустились в валютный бар (в приснопамятные совдеповские времена в больших гостиницах были бары только для иностранцев, за валюту), вижу за барной стойкой моего старинного друга Гошу Гонгадзе (светлая ему память!), оба радуемся встрече. Сажусь вплоборота на высокий барный стул, диктофон (он весил 5 кг!) положил рядом. Гоша пододвигает мне пачку «Марлборо» (в те времена это были настоящие американские сигареты высшего качества), сооружает свой фирменный коктейль, мы пускаемся в приятные воспоминания, и я отхожу от недавних переживаний. И вдруг за спиной слышу голос: «Ну что, запишем интервью?» Поворачиваюсь – Алла сидит за стойкой сзади меня! И я, старый болван (мне было уже

34!), не нашел ничего лучше, как ляпнуть сгоряча: «Спасибо, уже не надо». Попрощался со всеми и ушел. Это был, наверно, мой самый безрассудный поступок – обидел человека, потерял хорошее интервью и приятное застолье...

– А с Бубой как познакомились?

– Я тогда работал в музыкальной редакции, и с большинством музыкантов и исполнителей – как в академической музыке, так и в джазе, и в эстрадном искусстве – мы общались регулярно, на концертах, фестивалях. В том числе и с Бубой. А он обладал к тому же несравненным обаянием и был очень демократичным человеком, несмотря на свою безграничную популярность.

– Вы родились в Тбилиси?

– И не только я – в Тбилиси родились и моя мама, и бабушка, а вот про прабабушку почти ничего не знаю, и не могу простить себе, что бабушку вовремя об этом не спросил. Мой прадед, Василий Близнюк, родом из Полтавы. В 1870-е годы попал на русско-турецкую войну, возвращаясь с которой, естественно пешком, оказался в Тифлисе, где ему, очевидно, понравилось. Познакомился здесь с Шуручкой Варламовой (так ее все называли), и родили они 10 детей. Третьей по счету появилась на свет в 1885-м моя бабушка, Анна Васильевна. А вот дедушка – из Смоленска. Прадед Василий Белявский был священником, а дедушка, Андрей Васильевич, окончил юрфак МГУ, затем Московскую духовную академию и в начале прошлого века был направлен в Тифлис на должность синодального прокурора. Здесь он познакомился с моей бабушкой, и в 1909 году они обвенчались в монастыре, здание которого сохранилось на территории нынешней 9-й больницы в Ваке. По тем временам, это был неблизкий пригород, и ехали туда на фаэтонах часа полтора. Таинство венчания вел протоиерей Каллистрат Цинцадзе, с которым у дедушки были хорошие отношения. Год спустя, в 1910 году, он же крестил в Кашветской церкви мою маму, у меня сохранился этот документ... А в 40-е годы Каллистрат Цинцадзе стал Католикосом-патриархом

всего Грузии. В честь рождения мамы дедушка заказал серебряный перстень. На нем выгравированы вензеля «Е» и «Б» – Евгения Белявская. Долгие годы он хранился в старинной деревянной шкатулке, а в 93-м, перед отлетом в Сухуми, я его примерил и с тех пор ношу, не снимая. К сожалению, в том же году дедушка скончался от воспаления легких. Через 15 лет, в 1925 году, бабушка вышла замуж вторично – за Георгия Александровича Паппе. Он работал старшим экономистом в Грузэнерго. В 1937 году, вместе с большой группой проектировщиков и строителей первой в Грузии и одной из первых в СССР Земо-Авчальской ГЭС, был арестован и расстрелян. Вскоре арестовали и бабушку, «жену врага народа», которая провела пять «замечательных» лет в Потьминском лагере в Мордовии, где сидела – именно так все сидельцы говорили о своем прошлом – вместе с Кетусей Орахелашвили, известной красавицей и умницей, дочерью известного революционера и соратника Сталина Маamia Орахелашвили и женой выдающегося дирижера Евгения Микеладзе, которые также были

Дедушка (в центре) с однокурсниками

Дедушка и бабушка в день венчания

расстреляны в те годы. Бабушка говорила о Кетусе с неизменным восхищением... А мама окончила английский факультет нашего иняза, в 30-е годы работала в Интуристе, откуда после ареста отца и матери ее, разумеется, уволили. В 1941-м была основана Академия наук Грузии, президентом стал выдающийся математик Николай Иванович Мухелишвили, с которым у нашей семьи были общие добрые знакомые. И мама преподавала английский молодым грузинским ученым. В 43-м, из Новороссийска в Тбилиси приехал в командировку на 31-й завод инженер-лейтенант Григорий Новородский. С мамой они познакомились в компании друзей и вскоре поженились. А после его отъезда «добрая» подруга нашептала маме, якобы у него был роман с одной из общих знакомых, и у мамы – как отрезало... Мама не желала слушать никаких объяснений, не сообщила мужу о своей беременности... К тому времени мама заболела туберкулезом (в голодные военные годы она начала курить – тогда многие курили, чтобы заглушить чувство голода), стрептомицина еще не было, и врачи не советовали ей

рожать, а потом и кормить грудью. Очевидно, материнский инстинкт оказался сильнее... В 1947-м, когда мне было два года, мамы не стало. Узнав об этом, отец хотел забрать меня, судился с бабушкой... Фамилию я поменял, когда мне было 27 лет – в память о маме, которой я обязан своей жизнью более, чем кто-либо. И моя любимая дочка Женечка – полная тезка мамы, Евгения Андреевна Белявская.

– В каком районе вы жили?

– Ну, если не считать, что с самого начала мне «повезло» стать сиротой, и с двух лет меня растила и воспитывала бабушка, которая лишь в 56-м году получила реабилитацию, паспорт и возможность работать, хотя ей было к тому времени уже 76 лет, то вся остальная жизнь прошла под знаком удачи. Впрочем, даже родиться в благословенном Тбилиси, да еще на Мтацминда (Святая гора) – уже удача! Именно благодаря Тбилиси, благодаря родному кварталу и многим добрым людям – соседям, родителям моих друзей – я вырос, не ощущая себя сиротой. Гены генами, характер характером, но никуда не деться от старой, как мир, истины – «бытие определяет сознание». И теперь понимаю, насколько это важно – не обрести комплексами!

– А в какой школе вы учились?

– В 48-й, что на верхнем отрезке улицы Бесики. У нас были замечательные учителя – Виолетта Ильинична Гаспаридзе (русский и литература), Андрей Константинович Гамазов (математика) – перечислить всех просто не позволяет формат интервью. И у нас был замечательный класс, которым, как мы узнали позже, гордилась вся школа. Замечательные четыре года я провел во 2-м музыкальном техникуме – в старинном особняке, где теперь находится посольство Германии.

– И после окончания техникума поступили в Тбилисский университет?

– Да, в 1967-м, на факультет журналистики. Со второго курса я поступил еще и на отделение кино-теле-драматургии искусствоведческого факультета ТГУ. Не знаю, что меня, при моей

склонности к ничегонеделанию, подвигло на это, учитывая, что я уже работал в театре Руставели артистом оркестра и играл в симфоническом оркестре ТГУ, которым руководил известный дирижер Гиви Азмайпарашвили. Нам читали историю грузинского кино Георгий Харатишвили – прекрасный специалист, изумительный человек, Карло Гогодзе – сценарист знаменитого фильма «Лурджа Магданы». Праздником для нас было общение – увы, недолгое – с Михаилом Чиаурели – уникальная личность, муж Верико Анджапаридзе и отец Софики Чиаурели. Отар Иоселиани вел основы режиссуры, попутно делясь с нами своим мнением о тенденциях в мировом кинематографе. Общаясь с этими людьми, мы набирались мудрости, учились воспринимать мир адекватно, отличать, что главное в жизни, а что нет.

– Как вы пришли на радио?

– В 76-м году я был на джазовом вечере, который организовал замечательный музыкант и мой добрый знакомый Саша Раквиашвили в помещении ГОДИКС (Общество культурных связей с границей) – теперь это резиденция Президента Грузии. Там я встретил друзей по музучилищу – Гелу Лежава (светлая память!) и Вахтанга Наниташвили,

Мама на коленях у бабушки

Мама в санатории «Гульрипш»

которые уже работали в музыкальной редакции радио и предложили мне делать передачи для Всесоюзного радио. Год я работал вне штата, а в 77-м Женя Мачавариани, который в те годы был художественным руководителем Грузинского телевидения и радио, «выбил» для меня штатную должность редактора. На Грузинском радио я проработал почти 20 замечательных лет, параллельно готовил сюжеты и передачи для телевидения.

– Вероятно, случались и комичные истории?

– Ну, как же без них! В 83-м году, когда генсеком стал Андропов и по всей стране людей отлавливали в дневное время в кинотеатрах, ресторанах, банях и т.д., ибо всем надлежало быть на работе, нам объявили, что с завтрашнего дня все должны являться на работу в 9.00. О том, что я приходил на студию не раньше двенадцати, а то и позже, знали даже студийные кошки, хватало «совушек» и помимо меня. Вдобавок ко всему, я жил тогда в отдаленном от центра районе Глдани (эту квартиру мы получили спустя 20 лет ожидания в очереди для реабилитированных жертв политрепрессий, и бабушка так ее и не

дождалась), и после Мтацминда, откуда я спускался на Руставели за пять минут, никак не мог привыкнуть к новым реалиям. Разумеется, вся редакция волновалась за меня – смогу ли я прийти вовремя? Утром следующего дня я примчался на такси и вошел в здание в 9.03. Дежуривший у входа дядя Миша Ханукаев (из 1-го отдела) пожурил меня – быстрее, Андрей, опаздываешь! На следующий день я обошелся без такси и вышел из метро у Дворца спорта в 8.50 – до студии 6-7 минут быстрым шагом. И тут – удача: встретил старого друга, с которым давно не виделись. Какой Андропов, какая проверка! Мы вкусно поговорили минут 40, и к студии я подошел почти к 10 часам. На входе уже никого не было, кроме дежурного милиционера, а систему пропусков тогда еще не ввели... Примерно в том же году меня попросил зайти партком радио Шалва Двали, симпатичный человек, с которым у меня были хорошие отношения. «Такое дело, Андрей, мы решили принять тебя в партию – ты хороший журналист, ответственный человек, через год-два сможешь стать главным редактором русских передач радио и телевидения.

Как ты на это смотришь?» Я после комсомола ни в какие организации и объединения не вступал и вступать не собирался, зная и понимая, что итог подобной деятельности, несмотря на все сопутствующие ей прятники, один – прощай, свобода! «Батоно Шалва, – обратился я к нему, преодолевая неловкость и не желая обидеть хорошего человека, – вы, наверно, знаете, что я систематически опаздываю на работу и никак не могу преодолеть эту вредную привычку. Но в остальном я – человек порядочный, и поэтому просто не могу подвести вас и тех, кто даст мне рекомендации, если скажем, я опоздаю на партсобрание». – «Понятно, – сказал он, усмехнувшись, – но ты, все-таки, подумай...» В 91-м я создал (вдобавок к грузинской и английской) русскую службу инновещания Грузии – формат, позывные и т.д. И до 94-го года вел эти передачи...

– И вдруг...

– Да, весной 94-го, неожиданно для всех и для себя, ушел с должности заведомом и стал пчеловодом – знакомые завели пасеку и предложили работать с ними. Тот сезон был одним из интереснейших в моей жизни – наблюдая за пчелами, общаясь

С Булатом Окуджавы

С друзьями и близкими

с этими удивительными созданиями, невольно становишься добрее и мудрее. В 95-м я впервые начал работать в печатной прессе, в агентстве BGI, а в 96-м меня позвали на вновь организованное Радио «Аудиенция», где у меня было то, что я люблю – прямой эфир и полная свобода. Это были живые беседы с интересными людьми – артистами, музыкантами, писателями, политиками, которые не во власти. Все мои интервью с политиками – Зурабом Жвания, Звиадом Гамсахурдиа, Михаилом Саакашвили, Саломе Зурабишвили и многими другими записаны в период их нахождения в оппозиции. Иногда, по большим праздникам – Рождество, Крещение, Пасха, я зажигал прямо на пульте свечу, вместе с гостями студии мы пели – и пили! – и пару раз моя жена Джана даже заметила, что у меня в эфире заплетался язык. Ну, тут уж, как говорится, «чуйства» никто не отменял! Была программа «Тифлис-Тбилиси», была популярная передача «Пять вечеров», которую

вели мы с Мариной Мамацашвили, была ночная программа «Ностальжи»... В сентябре 96-го в Большом зале филармонии состоялся роскошный бенедикс Нани Бреговдзе. Вечер вел Котэ Махарадзе. Поздравив Нани после концерта, я подошел с диктофоном к Котэ. Мы говорили о несравненной Нани, затем перешли к Тбилиси и Грузии, и я отметил, что, очевидно, неправы те, кто говорит, что у Грузии нет будущего – российская пресса в то время активно муссировала подобные измышления. Ответ Котэ прозвучал, как выстрел: «Да пошли они на ...!» Далее слышен мой произвольный хохот и слова Котэ: «Да, да, так и передайте!». Прослушав эту запись, директор «Аудиенции» сказала, что это коммерческое радио, и потому здесь все допустимо. Впрочем, я, как старый радист, поступил иначе: в эфире на звуке «х» я резко закрыл и вновь открыл микшер, и по реакции слушателей, которые тут же стали мне звонить, понял, что все получилось, как надо.

С Вахтангом Кикабидзе

С Робертом Стура и Гией Канчели

– Скажите, а вы попадали в опасные ситуации, будучи журналистом?

– В середине июля 1993 года мой коллега и друг Темур Надиршвили (светлая ему память!) направлялся в командировку в воюющий Сухуми, и я решил полететь вместе с ним. Однако получил отказ – Темур работал в воинской редакции Грузинского радио, а я – в редакции обменных теле-радио передач (взаимообмен со всеми республиками бывшего Союза), и направляться в район боевых действий мне не полагалось. Мне удалось убедить тогдашнего главу Телерадиовещания Грузии Гочу Хундадзе, что я должен туда попасть: «Я родился в 45-м, мы считали, что поздно родились и не успели попасть на войну, все книги и фильмы делили на три категории: о шпионах, о войне, о любви. Я просто должен там быть!» В итоге, я написал расписку, что направляюсь в Сухуми под свою ответственность. Нам выдали по два блока белого «Космоса» (пачки были белого цвета ввиду дефицита синей краски) и по 30 тысяч купонов, такие тогда были деньги. Два дня мы просидели в аэропорту, пока наконец из Сухуми не прилетел Ту-154. Самолет набит под завязку, много гражданских, женщины с детьми. В проходах

– ребята с пулеметными лентами на перевязи. Мы уже шли на снижение, когда почувствовали толчок. На вопрос Темури «что это было?» – отвечаю, что, наверно, самолет выпустил шасси. И лишь после посадки, спустившись по трапу, мы поняли, что родились второй раз: под стабилизатором зияла дыра, из центрального двигателя стекали керосин и масло. Ожидавшие наш самолет коллеги-журналисты одолжили нам камеру, видеокассеты у нас были, и я смог записать интервью командира корабля, а потом, уже на диктофон, и борт-механика Али Музафарова (очень был похож на Питера О’Тула, я обратил на него внимание еще в Тбилиси, когда он направлялся к самолету), который рассказал, что когда мы пролетали над Очамчире на высоте одного километра, в самолет попала тепловая ракета, и нас спасло только то, что она летела не вдогонку, а именно сбоку, пробив отверстие и не взорвавшись.

В Сухуми, конечно, тоже случилось всякое – война есть война...

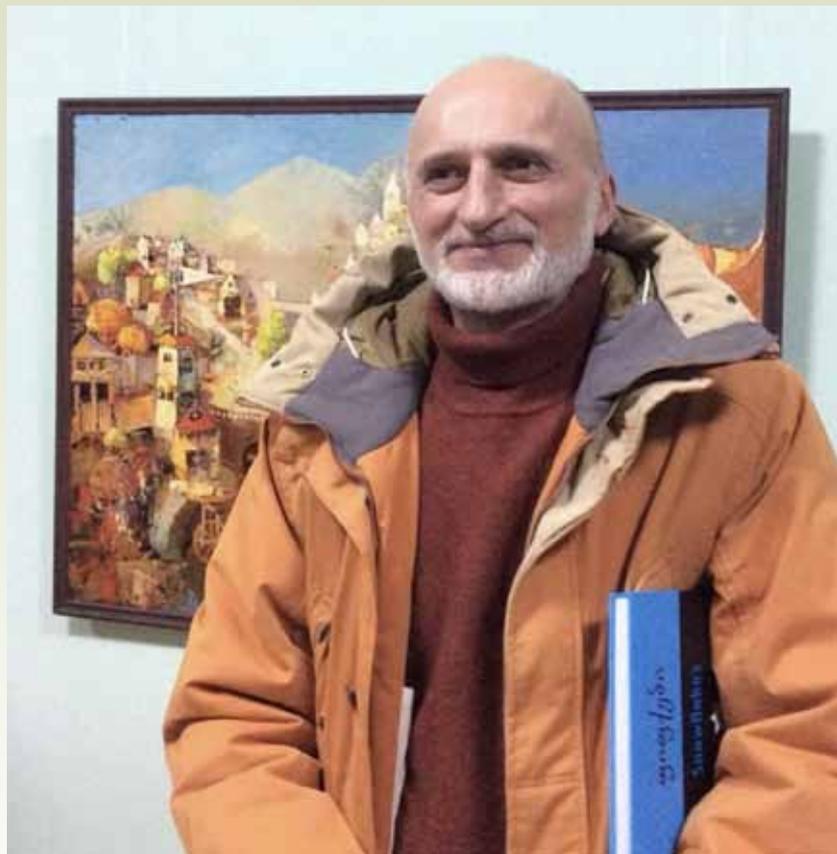
– Не хочется заканчивать разговор на горькой ноте. Что вы хотели бы сказать нашим читателям?

– 15 лет назад начал вещание (к сожалению, оно было недолгим) телеканал ПИК (Первый

С внуком Никой в день своего 75-летия

Информационный Кавказский), и всем нам, его ведущим, надо было представить пилотный вариант своего проекта. Мой проект посвящался теме политических репрессий в Грузии 20-х, 30-х, 40-х годов прошлого века и назывался «Без срока давности...». Мне тогда вспомнилось удивительное по своей сути высказывание кого-то из мудрых: «Каменный век закончился не потому, что закончились камни». Этими словами я завершил тогда свой пилот. А теперь я убеждаюсь, что каменный век на самом деле не закончился – он только принял иные формы и методы, камни сменились ракетами, и цивилизация затронула только «инфраструктуру» землян, но не их мышление. Поэтому хочу пожелать всем добрым, здравомыслящим людям – несмотря ни на что и вопреки всему – многих радостей, многих удач, любви и добра! И пусть Новый, 2025-й год будет намного лучше и добрее минувшего, 2024-го, и несравненно хуже следующего, 2026-го!

СОХРАНИТЬ СЕБЯ

— **Ольга СЛОНИМСКАЯ**

Грузия – красивая страна с древней, богатой историей и талантливыми людьми. Об одном из самых достойных ее сыновей – нашем современнике, замечательном художнике Лери Мачаладзе, мы и хотим вам рассказать.

Арт-галерея Лери Мачаладзе находится в аутентичном дворике района Чугурети, рядом с одной из красивейших улиц Тбилиси – проспектом Давида Агмашенебели. Неподалеку находится маленькая церковь Архангела Михаила, где больше ста лет назад обвенчались Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус. Именно в этом квартале жил художник Нико Пиросмани, здесь он расписывал духаны фресками и писал свои картины. В шаговой доступности – знаменитый «Сухой мост», блошиный рынок антиквариата. Только истинный художник мог выбрать такое место для жизни – место с такой особенной аурой! Лери Шалвович – душевно богатый, тонкий, интеллигентный человек. Его творчество

разнообразно, но всегда узнаваемо своим неповторимым почерком.

Художники по большей части редко, с трудом и не очень охотно говорят о своем творчестве. Но уж если скажут, то в самую точку, потому что мыслят образами.

«Что для вас творчество? – спросила я Лери Шалвовича. – Как рождается идея, и чего в творческом процессе больше – вдохновения или дисциплины?» – «Творчество – это дар Божий и дьявольское испытание одновременно, – ответил мастер. – Это язык души – так душа разговаривает. Господь сотворил этот мир из необитаемого хаоса, создал землю, человека и наделил некоторых из нас умением рисовать – потребностью

из хаоса своих мыслей, чувств и воспоминаний вытаскивать знаки, образы, символы и сохранять их в картинах. Я всегда слушал свою интуицию, свое сердце. Вдохновение, конечно, существует, но оно приходит во время работы, и если приходит – спасибо. Но на первом месте – каждодневная работа и осмысление того, над чем работаешь. Художник не может не вглядываться, не вдумываться в свои картины, потому что любит их и черпает в них вдохновение. Творчество – это всегда любовь. В моем сердце – любовь и благодарность моим родителям, жене, детям, они вдохновляют меня всю жизнь. Вдохновляют друзья, зрители, когда становятся сопричастными к процессу рождения картины, погружаясь в мои фантазии. Я получаю особую радость, когда они видят многослойность смыслов моих работ, когда рассказывают мне то, чего я и сам не предполагал, но вложил на интуитивном уровне, а человек разглядел и смог выразить словами. Поэтому я думаю, что творят оба – и художник, и тот, в ком его произведения находят отклик. Но если ты поддаешься лести, пафосной похвале, успокаиваешься, уверовав в свою значимость, то все разваливается. И начинается этот развал с самодовольства – в художнике гибнет художник. Человек жив, а художника нет. Если хочешь оставаться живым, нельзя останавливаться, топтаться на месте, переставать верить своей интуиции. Важно завершать и – начинать все сначала, с чистого листа».

Слушаю размышления Лери Мачаладзе и понимаю, что искусство – не разменная монета в погоне за признанием, но сама жизнь, то, что наполняет душу, владеет мыслями, помогает выплеснуть чувства, реализовать фантазии.

Лери Мачаладзе родился в Западной Грузии, в столице Имерети, расположившейся на берегах бурной реки Риони, в самом центре Колхидского государства, известном с времен аргонавтов – в славном городе Кутаиси. Сам царь Давид Агмашенебели родился в этом городе. Здесь провели свое детство

художники Давид Какабадзе и Феликс Варламишвили, композитор Захарий Палиашвили, поэт Владимир Маяковский, режиссеры Тенгиз Абуладзе и Резо Чхеидзе, актриса Верико Анджапаридзе, художник, драматург, создатель театра марионеток Резо Габриадзе... Всех не перечислить!

Он такой разный, этот тихий зеленый городок с дружелюбной атмосферой «большой деревни», древний и непредсказуемый, как мир. Эту мозаичность родного города, его славную историю, культурное наследие и атмосферу свободомыслия впитал в себя и Лери. Он талантлив,

вороной» среди одноклассников. Мальчишки учились жить и мыслить «понятиями», мечтали стать «ворами в законе» и над моим увлечением живописью и книгами пытались подтрунивать. Свое право оставаться собой в этой среде приходилось отстаивать кулаками. Гордостью и символом Кутаиси был тогда грузовик КАЗ, но работать на завод люди шли без всякого энтузиазма, тяжелый труд не вдохновлял, и грузовики разваливались из-за некачественной сборки в самый неожиданный момент бесчисленных шуток, анекдотов и карикатур. Зато кутаис-

жетные зарисовки из детства сохраняют национальный колорит, но полны грусти и ностальгии по ушедшему времени, когда Лери мечтал уехать из родного захолустья, чтобы увидеть других людей, иной мир.

После службы в армии Лери не вернулся домой. Он уехал в Ленинград и там поступил в Академию Штиглица, тогда она именовалась Ленинградским высшим художественно-промышленным училищем имени В.И. Мухомой, или просто «Мухой». Сбылась детская мечта, началась яркая студенческая жизнь, полная новых замыслов и идей. А главная задача – за-

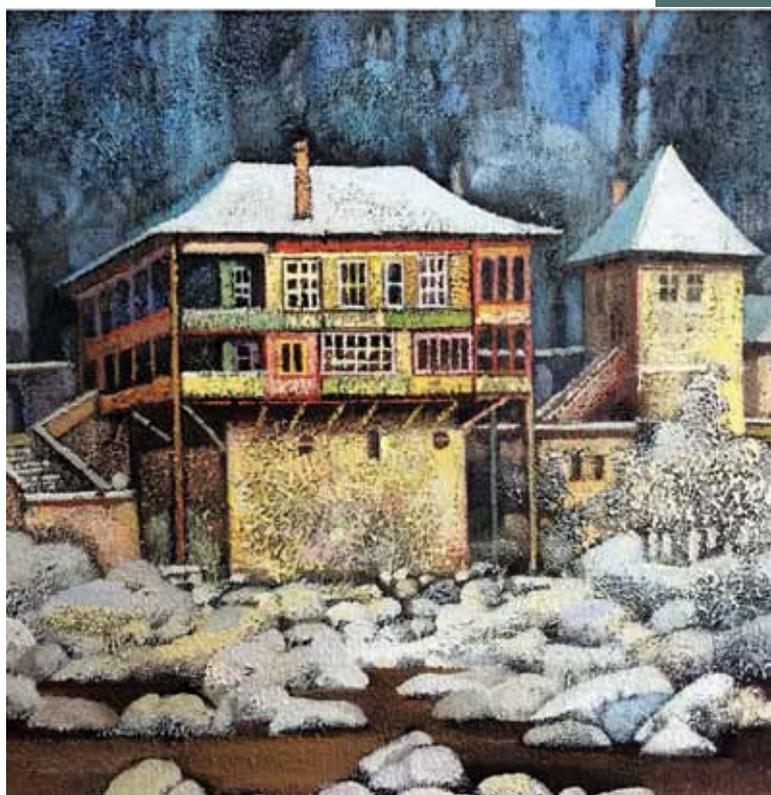

Белая дорога

бескомпромиссен и принципиален в своем выборе, остро чувствует фальшь, на все имеет свое мнение, искренен и открыт жизни, как ребенок. С юмором рассказывает художник о своем детстве и юности, о нравах родного города: «В советское и постсоветское время Кутаиси, по иронии судьбы, превратился в бандитскую дыру, был знаменит на всю страну жесткостью разборок бандитских группировок и высоким уровнем криминала. Я всегда был «белой

цы с энтузиазмом собирались в городском саду, известном под названием «Бульвар», чтобы неспешно посплетничать, побездельничать, полюбоваться фонтанами и выпить вина».

Эти типажи навсегда запечатлелись в сознании художника – их лица можно увидеть в серии портретов «Люди без масок». Колоритные уставшие люди с грустными глазами, лукавыми и добрыми улыбками, нежные лица местных красавиц... Галерея портретов, сю-

Кутаиси

работать на хлеб насущный и сохранить силы для учебы. Лери снял комнатку на улице Фурманова (ныне Гагаринская), поближе к училищу, чтобы не тратить время на долгую дорогу, а на еду зарабатывал как уличный художник. Сейчас этот вид деятельности стал возможным и популярным для многих, а тогда Лери стал первопроходцем в сфере быстрого заработка. «Сумасшедший имеретинец» – так в шутку называл его учитель – стал выходить на

лось как сквот независимых художников и музыкантов. На что они надеялись? В Нью-Йорке, например, сквоттеры, занимающие какую-либо собственность в течение тридцати дней, получают так называемые «права сквоттера». Они могут заявить о том, что нуждаются в жилплощади, и в качестве арендаторов продолжить жить и работать в этом помещении. В России так не работало и не работает – в подобных ситуациях самовольников выгоняет милиция. Но в случае с этим домом, как ни странно, сработало. Сквоттеров не трогали, и художники называли это пространство сначала «Ковчег XXI век», затем «Параллелошар», потом товарищество «Свободная культура». Только через семь лет споров и ходатайств художники Сергей Ковальский и Юлий Рыбаков официально смогли зарегистрировать арт-центр известный как «Пушкинская-10». Сейчас там находится единственный в России музей неконформистского искусства. В этом пространстве репетировали и записывали пластинки Цой, Гребенщиков, Бутусов, Курехин, Шевчук, работали художники Борис Кошелюхов, Аслан Уянаев, создатель музея «The Beatles», главный битломан Коля Васин. «Я работал там недолго, – вспоминает Лери Шалвович, – но мои друзья Роланд Шаламберидзе, Бадри Ломзианидзе, талантливые художники и творческие люди, на многие годы нашли там приют. А в моей жизни были еще и другие мастерские в заброшенных домах, откуда расселяли жильцов – в Свечном переулке, на улице Шкапина, где я рисовал, а порой и ночевал, не находя сил вернуться домой после трудного дня. Однажды ночью в комнате провалился пол, и я чудом остался жив – очень яркое воспоминание, которое заставляет уверовать в метафизичность мира. Во сне моя душа отделилась от тела. Я наблюдал себя со стороны: видел, как рушится стена и все вокруг, а я, уцепившись руками в спинку кровати, которая застряла между обрушившимися досками, вытягиваю свое тело из зияющей дыры. Пережив этот трансцендентный опыт, понимаешь,

Невский проспект. Рядом с Екатерининским садом устанавливал он свой мольберт и писал портреты отдыхающих и гостей северной столицы. Желающих было много, и платили не торгуясь. Знаменитые заведения «Лягушатник» и «Сайгон» по-прежнему были не по карману, но на молочное кафе «Аврора» всегда можно было заработать. Вкус сосисок и вареников из этого кафе до сих пор вспоминаются с наслаждением. Однажды удалось за день заработать 400 рублей, а в целом стало хватать на еду, холсты, краски и даже на отдых от халтуры. Появилось время для живописи, работы для души, когда можно было оттачивать технику, которой обучали в училище, и зарабатывать свой почерк, свое видение. Картины очень хорошо

покупали немцы и отечественные коллекционеры. Возникла новая проблема – где работать, где найти мастерскую? И опять судьба дала шанс. Из аварийного дома на Литовском-53 эвакуировали жильцов. Это здание, известное как «Дом мебелированных комнат А.И. Андреевой», построенное в 1911 году в стиле модерн, находилось под охраной государства. Однако денег для капитального ремонта не нашлось, дом пустовал, и его захватили художники, скульпторы, музыканты. Самостоятельно подключили электричество, воду, чтобы можно было хоть как-то пользоваться заброшенными комнатами. Среди этих предприимчивых смельчаков, нуждающихся в помещениях для творчества был и Лери. Люди объединились, и все нача-

что человек не одинок на этой земле, кто-то всегда рядом с тобой. Может, это Бог, а может, любовь матери спасает и бережет тебя. Хранит твоё физическое тело, хранит душу твою от лжи, зависти и уныния, помогает быть сильным, верить в себя, верить в свой талант, в свою избранность. Без этой уверенности нельзя сохраниться и продолжать писать. Бывали периоды, когда я работал кочегаром, дворником, чтобы не числиться тунеядцем. Сотрудничал с арт-брокерами, которые не просто определяли круг потенциальных покупателей, а пытались регулировать мое время и работу. И тогда ты сбегашь от них, чтобы сохранить себя».

Об этом писал Леонид Губанов – художник и поэт советского андеграунда:

Холст 37 на 37,
Такого же размера рамка.
Мы умираем не от рака
И не от старости совсем.
Когда изжогой мучит дело,
Нас тянут краски теплой плотью.
Уходим в ночь от жен и денег
На полнолуние полотен.
Да, мазать мир! Да, кровью вен!
Забыв заботы, сны, обеты!
И умирать из века в век.
На голубых руках мольберта.

Мачаладзе навсегда впитал в себя свободолюбивый дух своей родины. Этот невероятный художник нашел свой собственный голос, свой особенный почерк, который дает ему самые широкие возможности для самовыражения. Его творчество всегда узнаваемо, а оригинальный стиль придает картинам особенный колорит.

В юности Лери Шалвович находился под влиянием импрессионистов, может, поэтому в его картинах всегда есть какая-то незавершенность – и фантазия смотрящего додумывает детали, и всегда возникает ощущение движения. Создается впечатление, что мир на холсте живет, реки текут, тени ускользают, и кажется, что через мгновение изображение изменится. У художника очень тонкая связь с природой, он ее чувствует, видит, понимает и переносит свои ощущения на холст так, что ты начинаешь проживать эту ре-

альность как свою, наделяя ее своей историей, запахами и звуками. Он пишет то, что невозможно поймать: луч света, движение воздуха, шуршание листвы. Практически не пользуется зарисовками, не пишет с натуры и не работает с моделью. Особенностью его творчества является то, что не реальность лежит в основе сюжетов, а эмоции и чувства. Его работы – это всегда диалог с прошлым,

воспоминания, которые он фиксирует в своем особенном стиле, основанном на мастерстве и высокой эрудиции, на знании и понимании законов композиции

Авторский стиль Лери Мачаладзе сформировался под влиянием Пикассо, Кандинского, Мондриана. Мистическое, иррациональное мышление художника влечет его фантазию к авангарду. Нет более спорного течения в искусстве, чем гео-

метрический абстракционизм и символизм, но именно этот подход становится излюбленным для Мачаладзе. Он уходит от фигуративного искусства и начинает писать абстрактные картины. Это позволяет художнику в полной мере делать то, к чему он стремится – концентрироваться на спонтанном выражении своих переживаний и через цвет, форму, линию передавать эти чувства.

Абстрактная живопись невозможна без особой склонности к ней и качественного профессионального образования, она требует умения хорошо рисовать, филигранной техники и, прежде всего, тонкой чувстви-

в работах Мачаладзе излучает особенную энергию, которая способна вызвать яркий поток ассоциаций, заставляет видеть, как границы между реальностью и воображением художника размываются, погружая тебя в иной мир, мир созерцания и размышлений. Его картины «Остров в океане», «Мираж в пустыне», «Белая дорога», загадочны, иррациональны и таинственны. Работы притягивают и удивляют, вызывают интерес, порой недоумение и раздражение, но никогда не оставляют равнодушными.

Сейчас в жизни Лери Мачаладзе открывается новая страница: он работает над ци-

осознание единства этих понятий. Использование черно-белой палитры, строгих форм и линий создает ощущение порядка, гармонии и вечности. Это композиции об анатомии пространства, о многообразии мира, о глубине и непостижимости жизни.

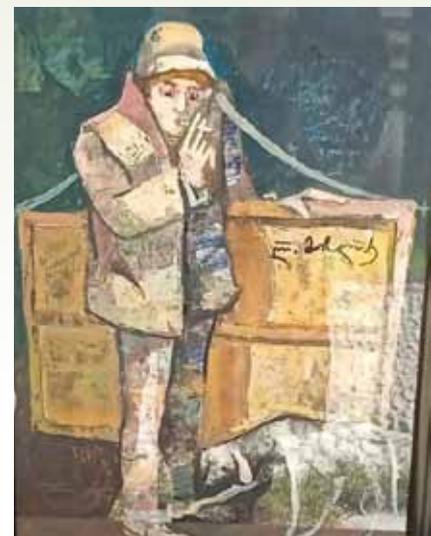
Весной состоится выставка, где можно будет воочию увидеть эти картины. Впервые на выставке будет представлена и работа, написанная в стиле иконописи. Погружаясь в ее сюжет, невольно вспоминаешь реплику Поля Валери: «Не суди о человеке по его друзьям. У Иуды они были безупречны». А каким другом был

Мираж в пустыне

Полнолуние

Здравствуй!

тельности к цвету, ритму, балансу, чтобы органично связать все элементы между собой. Надо быть настоящим поэтом, чтобы постичь такое искусство. А еще абстрактная живопись требует определенного чувства юмора, оригинальности и креативности. Все эти качества замысловатым образом объединяет в себе Лери Шалвович. Ему хватает интуиции, знаний, таланта и чуткости, чтобы создавать из цветочных пятен и линий картины, полные гармонии и глубины. На его полотнах можно увидеть, как мир разламывается, разбивается на фрагменты, рассыпается и вновь собирается на волшебной плоскости полотен. Создается иная динамичная реальность, вступающая в резонанс с мыслями и чувствами зрителя. Цвет

клом графической абстракции «Черное и белое». На этот раз он умышленно отказывается от цветовой палитры, оперируя только белым и черными оттенками. Сами по себе белый и черный цвет имеют двойственное толкование. Черный цвет может олицетворять как возрождение, процветание, мужественность, так и траур, тайну, зло, тьму. Белый – символизирует чистоту, умиротворенность, святость, а во многих восточных культурах связан со смертью и печалью. Такое цветовая двойственность автоматически включает у зрителя понимание символики, заложенной внутри картины, осмысление таких категорий, как жизнь и смерть, чистота и греховность, добро и зло,

сам Иуда? Что определило его жизненный путь, путь предательства? Так ли однозначна легенда о тридцати сребрениках? Где, как не на выставке современной живописи, можно обменяться мыслями о принципах черного и белого, о законах добра и зла, о врагах и друзьях, о любви и предательстве?

Философия жизни неисчерпаема, поэтому не иссякает и творчество художника, его энергия, его вдохновение. Увидеть его проекты, познакомиться с удивительным человеком и талантливым художником Лери Мачаладзе можно в его мастерской, расположенной в Тбилиси, на улице Захария Курдиани, 17.

Занавес Александра Головина к легендарному спектаклю «Маскарад»

ТЕАТР «ДОКТОРА ДАПЕРТУТТО»

■ Инна БЕЗИРГАНОВА

Наследие Всеволода Эмильевича Мейерхольда неисчерпаемо. Вот уже более ста лет художники-интеллектуалы обращаются к уникальному творческому опыту режиссера-новатора, стараясь понять, почувствовать, приблизить, использовать, развивать его идеи. Очередное прикосновение к личности «Доктора Дапертутто» (один из сценических псевдонимов Мейерхольда, заимствованный из повести Э.Т.А. Гофмана «Приключения в новогоднюю ночь») – недавно прошедшая международная научная конференция «Бахрушинские чтения-2024. Всеволод Мейерхольд. Театр будущего». Она была посвящена сразу двум датам – 130-летию Бахрушинского музея и 150-летию со дня рождения режиссера.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

30 лет назад, 29 октября 1894 года, русский купец, потомственный почетный гражданин Москвы, мануфактур-советник, меценат, благотворитель, собиратель театральной старины Алексей Бахрушин впервые представил московской общественности театральную коллекцию, а в ноябре 1913-го передал ее государству и стал первым директором театрального музея, с самого первого дня носящего имя своего создателя. 130 лет сотрудники музея хранят и

пополняют музейное собрание. На сегодняшний день Бахрушинский содержит более полутора миллиона единиц хранения.

По мнению театроведа, доктора искусствоведения Александра Чепурова, без Бахрушинского музея нельзя заниматься историей русского театра. «Коллекция музея бездонная. Несколько раз в своей жизни я поражаюсь, насколько она обширна и необъятна», – говорит он.

«Бахрушинский музей хранит свидетельства творческой деятельности и личные вещи Мейерхольда, а также архив Гостима – более 20 тысяч предметов. Филиал музея – Музей-квартира Вс. Мейерхольда, в которой режиссер провел с семьей последние одиннадцать лет своей жизни. Сегодня здесь ведутся масштабные работы по созданию новой экспозиции «Изобретение будущего», посвященной жизни и творчеству режиссера» (сайт Бахрушинского музея).

«ИЗОБРЕТЕНИЕ БУДУЩЕГО»

В рамках конференции прошла встреча с создателями современной экспозиции

Музея-квартиры Всеволода Мейерхольда «Изобретение будущего» – архитектором-дизайнером Андреем Черниковым и театральным художником Наной Абдрашитовой.

Андрей Черников: «Безумно интересный проект! Нам пришлось воскресить живую память об архитекторе Иване Рерберге, который построил это здание, дружил с Мейерхольдом и Есениным, восстановить колористическую гамму. Квартира претерпела не очень приятные трансформации, и сегодня она воссоздается с максимальной любовью к персонажу. Хотя будущее нельзя создать, воспроизвести – его можно только изобрести. Архитекторы, художники, поэты, драматурги, режиссеры и т.д. являются изобретателями будущего. Мейерхольд каждой клеточкой своего весьма противоречивого организма был феноменально

театральным субъектом и тоже относился к плеяде изобретателей будущего – именно это мы хотели показать в нашей экспозиции».

Авторы рассказали об экспозиции, построенной по тематико-хронологическому принципу и представляющей два основных этапа творчества Всеволода Мейерхольда. «Дореволюционный период» показывает начало самостоятельной режиссерской деятельности Всеволода Мейерхольда, поиск новых форм, создание условного символистского театра в Студии на Поварской и театра гротеска в Драматическом театре В.Ф. Комиссаржевской. Здесь выставлены экспонаты, связанные с режиссерскими работами в императорских театрах. Подлинный шедевр Мейерхольда – «Маскарад» по драме Михаила Лермонтова. Премьера состоялась 25 февраля 1917 года в

Александринском театре. Спектакль, оформленный Александром Головиным, объединил драму, трагедию, пантомиму, оперу, балет. «Маскарад» Мейерхольда называют реквиемом по уходящей эпохе.

«Послереволюционный период» раскрывает суть новаторского режиссерского метода Мейерхольда и его значение в истории мирового театрального искусства. Реформа коснулась всего процесса создания спектакля: выбора драматургического материала и работы с ним, способа подготовки актера и его существования на сцене, формирования сценического пространства. В спектаклях режиссера происходило соединение цвета, фактуры, ритма, света в сценографии и костюме в нечто единое. Изменилась и роль зрителя, превратившегося из пассивного наблюдателя в участника творческого процесса.

Нана Абдрашитова: «Мы хотели раскрыть новаторские принципы театра Мейерхольда: сценический минимализм и сценический конструктивизм. В экспозиции важно было оставить игровой, театральный момент, сохранить эффект движения. Это важно и для творчества, и для философии Мейерхольда».

«МИР – ЭТО БАЛАГАН»

На конференции прозвучали интересные доклады, позволившие в чем-то по-новому увидеть и оценить масштаб и своеобразие личности Мейерхольда.

Виктория Алесенкова (Саратовская государственная консерватория имени Л. Собинова, Международный центр комплексных художественных исследований) в своей работе «Балаганчик А. Блока – Вс. Мейерхольда» (1906): опыт концептуального анализа» отметила, что «образ балагана, заданный А. Блоком и реализованный в действии В. Мейерхольдом, порождает устойчивую концептуальную метафору: мир – это балаган. Следовательно, жизнь в балагане может быть иллюзией, игрой, сном, маскарадом, карнавалом, представлением, но только не реальностью. Соответственно люди – это манекены, маски, марионетки, куклы

Группа выпускников Московского Филармонического училища с Вл.И. Немировичем-Данченко. Крайняя слева - О.Л. Книппер. 1898

и темные двойники. Перечисленные дефиниции безошибочно можно объединить в синтетический концепт «люди-куклы» с его идеей глобальной куклоно-марионеточной сущностью людей, подменяющей человека духовного неким неодушевленным принципом».

Доцент МГУ имени М. Ломоносова Ольга Купцова предложила анализ первой программной книги В. Мейерхольда «О театре». По мнению исследователя, это «сложносочиненный сборник», «срежиссированная книга», написанная серьезным и спокойным тоном. Купцова отметила полижанризм издания: «О театре» – это комплекс разножанровых текстов, включающий режиссерские портреты, опыт классификации, режиссерские замечания после премьеры, рецензии, записные книжки. В структуре книги просматривается будущая монтажность и коллажность мейерхольдовского театра. Автор доклада говорила о пристрастии режиссера к схемам, спискам, его чувстве конструкции, увидела связь между четким пониманием

Мейерхольдом структуры, чем бы он ни занимался, с формальным (структурным) методом театроведения, влиявшим на новую, только зарождающуюся режиссуру.

Светлана Демкина (Институт мировой литературы РАН им. А.М. Горького, Москва) рассказала об отношениях Мейерхольда с Максимом Горьким, с годами претерпевших трансформацию. В начале знакомства Алексей Максимович подарил режиссеру свою книгу с автографом: «Всеволоду Эмильевичу Мейерхольду. Вы, с вашим тонким и чутким умом, с вашей вдумчивостью, дадите гораздо больше, чем даете, и, будучи уверен в этом, я воздержусь от выражения моего желания хвалить и благодарить вас. Почему-то мне хочется запомнить вам хорошие и мудрые слова Иова: «Человек рождается на страдание, как искры, чтоб устремляться вверх. Вверх!»

Мейерхольд, в свою очередь, называл Горького среди своих учителей: «Мне всю жизнь везло на учителей. Станиславский, Федотов, Немирович-Данченко,

мастера старого Малого театра, Чехов, Горький, Далматов, Варламов, Савина, Головин, Блок, Комиссаржевская – у всех у них учился, как умел. Могу, пожалуй, прибавить десяток имен. Никогда не станешь сам мастером, если не сумел стать учеником. Я был жаден и любопытен. И вам посоветую одно: будьте любопытны и благодарны, научитесь удивляться и восхищаться!» Мейерхольд в первые годы творчества принимал активное участие в сценическом воплощении всех пяти пьес Горького, созданных в первое пятилетие XX века.

Над первой пьесой Алексея Максимовича – «Мещане» – МХАТ работал в последний сезон пребывания Мейерхольда в этом театре. Впервые Художественный показал зрителям «Мещан» во время своих вторых гастролей в Петербурге, 26 марта 1902 года. Мейерхольд играл роль Петра.

А. Февральский в своей статье «Горький и Мейерхольд» пишет: «Осенью 1902 года в Херсоне начинает работать «Труппа русских драматиче-

ских артистов под управлением А.С. Кошеверова и В.Э. Мейерхольда». Через два месяца после открытия сезона – 19 ноября – Мейерхольд и Кошеверов показывают премьеру «Мещан». Местная газета сообщила: «Пьеса прошла прекрасно, с полным ансамблем... Мейерхольд – прекрасный Петр... Театр был полон, и пьеса имела громадный успех».

А 21 мая 1903 года труппа сыграла в Севастополе премьеру «На дне». Отмечая исполнителей, которые произвели «особенно сильное впечатление», газета на первом месте называет Мейерхольда, исполнявшего роль Актера. Второй херсонский сезон тоже открылся спектаклем «На дне», прошедшем при переполненном зрительном зале.

Позднее отношения между Горьким и Мейерхольдом разладились, их творческие пути окончательно разошлись. Всеволод Эмильевич не ставил поздних пьес Горького, а Алексей Максимович не воспринимал новаторства Мейерхольда.

В фокусе внимания Светланы Головачевой, автора доклада «Благодарный за ласку

Всеволод Мейерхольд»: Мейерхольд и Чеховы», – контакты режиссера с Антоном Павловичем и его родственниками. Чехову понравилось, как Мейерхольд сыграл Треплева в знаменитом мхатовском спектакле «Чайка» (1898). Между писателем и молодым актером завязалась активная переписка, свидетельствующая о духовном родстве Чехова и Мейерхольда. Последний навещал Антона Павловича в Москве, гостил у него в Ялте. В зрелые годы Всеволод Эмильевич вспоминал об этом с чувством благодарности: «Чехов меня любил. Это гордость моей жизни, одно из самых дорогих воспоминаний».

Во время ялтинских гастролей 1900 года основная часть труппы Художественного театра жила в гостинице «Россия». Мейерхольда же Чехов пригласил пожить в своем доме, известном в Ялте как Белая Дача. Принимала гостей Мария Павловна Чехова, в дальнейшем всю жизнь хранившая подарок Мейерхольда – фотографию с благодарственной надписью.

С. Головачева представила фотографии из Дома-музея Чехова в Ялте. Первая встреча Чехова и Мейерхольда произошла 9 сентября 1898 года в Москве, в Охотничьем клубе, где шли репетиции. Чехов пришел знакомиться с труппой Константина Станиславского. Потом завязалась переписка, длившаяся до конца жизни Чехова. Последнее письмо – о пьесе «Вишневый сад», которую Мейерхольд называл «трагедией неумолимого рока».

Э. Полоцкая писала в своей статье «Чехов и Мейерхольд»: «Режиссера поразило то, что именно Чехов, внесший на сцену подлинную жизнь, высказал мысль об известной условности театрального искусства – и в нашем распоряжении нет более раннего свидетельства о внимании Мейерхольда к этому вопросу, ставшему основным в его режиссерских исканиях».

Сохранилась переписка Мейерхольда и Зинаиды Райх с актером, педагогом, режиссером Михаилом Чеховым, продлившаяся восемь лет. Позднее М. Чехов писал: «Мейерхольду нельзя подражать, нельзя ус-

воить внешние приемы его постановок. Таких приемов вовсе и нет в его спектаклях. Можно пытаться усвоить дух Мейерхольда, у него можно учиться «видеть» по-новому, по-своему, ту глубину содержания, которую не видят другие, и тогда новая форма возникнет сама, без усилий рассудка, без «выдумки».

Отношениям Чехова и Мейерхольда посвятил свое выступление Сергей Кибальник (Институт русской литературы РАН, Санкт-Петербург) – «От Треплева до Трофимова».

«Чехов и Мейерхольд глубоко симпатизировали друг другу и до самой смерти Чехова переписывались. Возникает вопрос, что было между ними общего. Достаточно прочитать письма Мейерхольда к Чехову или даже просто посмотреть на его лицо, чтобы понять: он был близок писателю прежде всего серьезностью своих художественных устремлений, значимостью задач, которые он ставил перед своим искусством». Автор привел цитату Э. Полоцкой о Мейерхольде – Треплеве: «Сокровенным стремлением Мейерхольда, рано почувствовавшего призвание к театру и критически настроенного к современной театральной культуре, отвечали мысли Треплева об отсталости, рутинности театра, о необходимости новых форм. Близка оказалась Мейерхольду, отстраненному перед «Чайкой» от роли царя Федора, над которой он так горячо и серьезно работал, и драма непризнанности Треплева. И как личность Мейерхольд, с его угловатостью в отношениях с людьми, с его вспыльчивостью, страстной увлеченностью вопросами искусства, легко укладывался в образ любимого героя».

С. Кибальник подчеркнул, что «при всем преклонении перед личностью Чехова Мейерхольду так и не удалось по-настоящему встретиться с ним творчески».

Руководитель документального театра Анна Сулима (Белорусский государственный университет культуры и искусств) в своей постановке «Человек, перешедший реку» на основе документов и писем рассказывает о трагической судьбе Всеволода Мейерхольда. Как

отмечают видевишие спектакль, его сложносочиненная и жестко выстроенная форма включает и пластическое воплощение опытов мейерхольдовской биомеханики, и музыкальный ряд, и видео-фотопроекции. Словом, это вполне современный по языку и приемам синтетический театр. И зрелище, при всей условности формы, выстроено достаточно внятно и логично. В спектакле нет четкой повествовательной линии – это коллаж из документов, воспоминаний, поэзии, пластики, музыки.

«Я объединила зрителей с игровым пространством, с артистами. Квадратная площадка была разделена черным занавесом. Зрители рассаживались по краям, напротив друг друга. Наш спектакль был без Мейерхольда. Занавес стал неким олицетворением театра, духа Мейерхольда. В течение действия он сдвигался, завязывался в узел, раздвигался – то есть с ним происходили различные метаморфозы. Артисты были хаотично разбросаны по площадке и демонстрировали упражнения по биомеханике Мейерхольда. В спектакле было много стихотворных вкраплений поэтов разных времен. Мне хотелось осовременить, приблизить Мейерхольда к зрителям, артистам и молодым режиссерам, работавшим над спектаклем. Большое место было уделено музыке – звучали Дмитрий Шостакович, Софья Губайдулина и другие композиторы», – рассказала А. Сулима в своем выступлении.

В конференции приняла участие и автор этого обзора – с докладом «Товарищество новой драмы» Всеволода Мейерхольда в Тбилиси». Впервые Грузия познакомилась с будущим реформатором в 1904 году, когда в Тифлисе проходили сезоны его молодой труппы – она именовалась «Товариществом новой драмы». В этот период режиссер еще не обрел славу новатора и реорганизатора мировой сцены, перевернувшего представление о театре, и, по сути, привез в Грузию «филиал» МХАТа – выступил в качестве популяризатора эстетики и идей Московского Художественного театра. Мейерхольд был еще

молод – 30 лет! – но полон энергии и честолюбивых помыслов.

«ВСЕВОЛОД МЕЙЕРХОЛЬД. ТЕАТР БУДУЩЕГО»

Большой интерес вызвал паблик-ток «Всеволод Мейерхольд. Театр будущего» с участием главных экспертов по наследию режиссера – доктора искусствоведения, профессора, руководителя творческо-исследовательской части Александринского театра Александра Чепурова (Санкт-Петербург) и заведующего сектором изучения и публикации театрального наследия Вс. Мейерхольда Государственного института искусствознания Вадима Щербакова (Москва).

По словам и.о. заместителя генерального директора Бахрушинского музея по научной работе Тамары Булаковой, «эта встреча войдет не только в историю Бахрушинских чтений, но и в историю самого музея, и в историю театроведения».

Искусствоведы проанализировали творчество режиссера, актера, педагога, президента Александринского театра Валерия Фокина – творческого наследника Мейерхольда. Как поведал собравшимся А. Чепуров, Александринку называют Петербургским домом Мейерхольда – около 20 спектаклей было поставлено им на этой сцене за десять лет непосредственной работы в театре и за долгий период сотрудничества с ним на протяжении всей твор-

ческой жизни. Среди них – «У царских врат» Кнута Гамсуна, «Дон Жуан» Мольера, «Зеленое кольцо» Зинаиды Гиппиус, «Стойкий принц» Кальдерона, «Гроза» Островского, «Маскарад» Лермонтова и другие.

А. Чепуров: «Последние задумки Мейерхольда тоже были связаны с Александринским театром. Здесь хранится огромное наследие мейерхольдовских спектаклей. Мы назвали нашу новую сцену именем Мейерхольда. Рядом с театром был открыт памятник режиссеру. Валерий Фокин в своих спектаклях использует реминисценции мейерхольдовских образов. В методике самого актерского искусства присутствуют элементы системы Мейерхольда – благодаря Ирине Всеволодовне, воспитавшей несколько поколений александринцев».

Участники дискуссии уделили внимание и легендарным конструкциям в спектаклях Мейерхольда: лифтам, знаменитым плунжерным системам, движущимся конструкциям, которые по сей день остаются эталонными для спектаклей определенных жанров. Ведь именно Мейерхольд был сторонником максимально возможного объединения зрительского зала и подмостков в единое пространство; такого взаимодействия со зрителем, чтобы он чувствовал себя участником действия.

По словам Александра Чепурова, искусство Мейерхольда было «разомкнуто, открыто

Эраст Гарин и Зинаида Райх в спектакле «Ревизор»

всем временам» с тех самых пор, как он в самом начале творческого пути провозгласил свою парадоксальную теорию «театрального традиционализма». Не в смысле статичной приверженности устоям, а в стремлении динамично подавать великие сюжеты сквозь призму современных именно этим сюжетам великих эпох. «Его действие – «во всегдашнем времени», – отметил В. Щербаков.

Говорили о возвращении режиссера в сегодняшний театр – речь шла о постановке произведений, легших в основу его спектаклей, на современном сценическом языке. Потому что Мейерхольд – провозвестник новой театральной эстетики. Так родился интересный проект – в 2002 году Александринский театр заключил договор с Центром им. Вс. Мейерхольда о совместной творческой программе «Новая жизнь традиции». Ее художественным руководителем стал Валерий Фокин.

В. Щербаков: «Валерий Фокин – пример того, как один художник воспринимает творчество другого художника как вдохновение для себя и рожда-

ет некий творческий ответ, перерабатывая внутри себя этот материал».

А. Чепуров: «На сцене современной Александринки Валерием Фокиным были поставлены «Ревизор», «Маскарад», «Чужой театр» (на новой сцене, названной именем Мейерхольда). Он стал связующим звеном между московским Центром имени В. Мейерхольда и Александринкой. Ученик реформатора, режиссер Леонид Варпаховский, преподавал Фокину в вузе – читал курс теории режиссуры. Фокин вспоминал, что первое практическое соприкосновение с Мейерхольдом у него возникло именно на занятиях Варпаховского, когда он знакомил студентов с методологией режиссера, ведь Леонид Викторович возглавлял научную лабораторию при ГостИМе. Фокин работал в архиве Мейерхольда. Так что он буквально наощупь знает материалы Всеволода Эмильевича. Самое главное, что Фокин взял у великого предшественника, – это отношение к сценическому пространству. Мейерхольд остро ощущал связь пространства и озысла. А Валерий Фокин стремился зал Центра имени Всеволода Мейерхольда превратить в зал-трансформер.

В. Щербаков: «На курсах мастерства сценических постановок, организованных, как эксперимент по совместному обучению сценографов и режиссеров одному и тому же набору знаний, Мейерхольд прочитал замечательную лекцию о походном театре – объяснял, что спектакли можно и нужно играть на природе. В этом случае естественная среда становится задником спектакля».

А. Чепуров: «Зал Александринского театра стал для Мейерхольда местом действия. Идея традиционализма и театральности была здесь особенно подчеркнута. Игра происходила на просцениуме, что идет от старинного театра, романтического театра в частности (Мейерхольд перекрыл оркестровую яму и создал просцениум). Эксперименты с просцениумом начались у режиссера именно здесь, в Александринке, и эта

традиция оказалась очень живучей. Режиссер создал единое пространство сцены и зала, когда актер с трех сторон окружен публикой. Потом это вылилось в его конструкцию театра на Триумфальной площади – нового здания, в котором Всеволоду Эмильевичу так и не довелось работать. Свет в зрительном зале был принципиален для Мейерхольда, особенно в спектаклях, поставленных на основе трагической драматургии – он был одним из знаков того, что события, происходящие на сцене, в том числе метафизические, имеют прямое отношение не только к персонажам, но и к зрителям».

В программе конференции было и посещение выставки ««Маскарад» на театральной сцене. К 210-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова». Ее первый раздел посвящен истории создания шедевра Всеволода Мейерхольда и Александра Головина, над которым они работали 6 лет. На выставке представлены эскизы декораций, костюмов, занавесов, выполненных А. Головиным, и более 30 фотографий сцен из спектакля. Центр экспозиции – эскизы декораций и костюмов из фондов Бахрушинского музея. Особо ценные экспонаты – костюмы из историко-театральной коллекции Александринского театра, участвовавшие в той самой постановке 1917 года.

«В ходе масштабной подготовки режиссеру и художнику удалось создать уникальную атмосферу карнавала, игры и масок, отсылающую зрителя к маскарадной Венеции XVIII века. В ней Мейерхольд увидел истоки лермонтовского взгляда на маскарад. Мотив маски, скрывающей страдающее лицо за иронией, озорство персонажей комедии дель арте, – у режиссера все оборачивалось трагическим гротеском. Гений Мейерхольда – Головина позволил создать на сцене эту атмосферу вулканизма, грез, волшебного сна, разбавленных роковой «драмой страстей», которыми пронизан «Маскарад» Лермонтова» (сайт Бахрушинского музея).

«НАДЕЖДА, ОКРЫЛЯЮЩАЯ ДУШУ...»

■ Акмырат РЕДЖЕПОВ

Туркмено-грузинские гуманитарные связи отличаются постоянством и успешным развитием на протяжении многих лет.

Один из примеров тому – перевод на туркменский язык поэмы «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели, осуществленный в 1957 году детским писателем Туркменистана Каюмом Тангрыкулиевым и изданный отдельной книгой.

В 1983 году на туркменском языке, в переводе писателя Шадурды Чарыева, вышел в свет исторический роман Григола Абашидзе «Долгая ночь».

Особенно активно туркмено-грузинские литературные связи начали развиваться в годы независимости двух государств.

В 2011 году в соответствии с постановлением Президента Туркменистана вышел в свет первый номер журнала «Дьпэд едебизату» («Мировая литера-

тура»), одной из главных целей которого является ознакомление туркменских читателей с шедеврами мировой литературы. Примечательно, что в числе первых произведений, напечатанных в этом журнале, был роман Нодара Думбадзе «Кукарача» в переводе на туркменский язык Шадурды Чарыева.

2014 год в Туркменистане был объявлен годом «Махтумкули Фраги» в связи с 290-летним юбилеем туркменского классика. На это событие откликнулись многие ученые, поэты и прозаики разных стран, внесшие достойный вклад в изучение и популяризацию литературного наследия туркменского поэта и удостоенные за эту деятельность юбилейной медали Туркменистана «Махтумкули Фраги». Среди награжденных был и грузинский тюрколог и переводчик Зезва Медуашвили. В декабре того же года Зезва Медуашвили дал эксклюзив-

ное интервью для читателей туркменской газеты «Эдебият ве сунгат» («Литература и искусство»), в котором подробно рассказал о своих переводах стихотворений Махтумкули на грузинский язык.

В 2021 году на страницах уже упомянутого журнала «Мировая литература» были размещены воспоминания о Григоле Абашидзе его дочери Толии.

В 2022 году в журнале с воспоминаниями о своем отце – Зезва Медуашвили, выступил его сын Николоз.

В 2022 году на страницах газеты «Эдебият ве сунгат» были размещены стихи председателя Союза писателей Грузии Маквалы Гонашвили в переводе на туркменский язык. В 2023 году газета опубликовала ее поэтические произведения, посвященные Махтумкули Фраги.

2024 год, проходивший в Туркменистане под девизом «Кладезь разума Махтумку-

ли Фраги» и по инициативе международной организации ТЮРКСОЙ объявленный годом «Махтумкули Фраги» в связи с 300-летием классика туркменской литературы, вызвал новый всплеск интереса к творчеству великого поэта Востока. По постановлению Президента Туркменистана Маквала Гонашвили была награждена юбилейной медалью «Махтумкули Фраги 300 лет» за распространение и перевод стихотворений туркменского поэта Махтумкули Фраги в Грузии.

17 мая 2024 года в столице Туркменистана Ашхабаде открылся культурно-парковый комплекс «Махтумкули Фраги» и величественный памятник туркменского поэта. На литературной аллее парка установлены 24 скульптуры – памятники видным писателям и поэтам разных народов. Среди них – памятник грузинскому классику Шота Руставели.

Туркмено-грузинские лите-

ратурные связи продолжают развиваться, наполняясь новым содержанием. Туркменские читатели следят за грузинскими литературными новинками и, благодаря периодическим изданиям, которые с радостью публикуют произведения литераторов дружественной страны, получают возможность открывать для себя новых авторов Грузии.

Публикация стихотворений современных туркменских поэтов в популярном русскоязычном журнале Грузии «Русский клуб» – это еще один шаг на пути развития и укрепления литературных взаимоотношений Грузии и Туркменистана. Надемся, он будет иметь счастливое и долгое продолжение.

Для того, чтобы в полной мере осветить состояние и пути развития туркменской литературы и рассказать о творчестве представленных здесь поэтов, нам понадобилась бы не одна страница. Каждый из них по-

своему воспринимает действительность, у каждого своя тематика, свой стиль изложения. Их произведения, как и современная поэзия Туркменистана в целом, представляют собой гармоничное единство традиций классиков Востока, а также лучших образцов европейской и русской классики. Они впитывают лучшее из того, что им досталось в художественное наследство от великих мастеров слова.

Добавим, что поэтические переводы на русский язык блестяще осуществлены Андреем Новиковым. Выпускник Литературного института им. Горького, автор сборников стихов и прозы, лауреат литературных премий, А. Новиков – большой друг Туркменистана. Он всегда рад сотрудничеству, его произведения переведены на туркменский, Андрей и его друзья-поэты – частые гости наших литературных газет и журналов.

Акмырат РЕДЖЕПОВ

Родился в 1968 г. в Ашхабаде. Стихи пишет с детства. В разные годы работал литературным сотрудником в центральных газетах, заведующим отделом в Гостелерадио Туркменистана. Неоднократный победитель творческого конкурса «Золотой век Туркмен», объявленного Президентом Туркменистана. Автор сборника стихов «Эпоха счастья», нескольких киносценариев, по которым сняты художественные фильмы. В настоящее время – заместитель начальника департамента по работе с творческой интеллигенцией Министерства культуры Туркменистана. Заслуженный деятель культуры Туркменистана.

ОДИНОКИЙ ЖУРАВЛЬ

Журавли устремляются в дальние страны,
Это странники неба в щемящей дали,
В облаках, что теперь по-осеннему рваны,
Над арыками мигу прощанья равны.

Но один в этом долгом пути заблудился,
Улетающим смотрит он вслед без конца.
Так с большой утратой невольно сроднился,
Ослабел, только грустью тревожит сердца.

У арыка, осенним светилом согретом,
Он прижился и ходит призывно трубя,
Пусть теперь эту грусть воспевают поэты,
Они тоже живут это небо любя.
Но когда все же осень зиме уступила,
Улетел и от стаи отставший журавль.
В небо крылья раскрыл, и на фоне светила
силуэтом надежды отдал свою дань.

ВОСХОД СОЛНЦА

Приходит полночь, как миссия,
Земля укрылась шалью черной,
И только небо осветило
Оконным светом иллюзорным.

Им в такт свела смотрят тихо,
Покой царит на небе звездном,
Чужда ему в ночи шумиха,
Но ждет восход, ему не поздно.

Средь звезд он первыми лучами,
Где солнце белое на темном,
Целует землю без печали,
В своем явлении огромном.

И точно, все вокруг проснулось,
Вселенная глядит очами,
Уже и сердце востепенулось,
Сроднившись с первыми лучами.

СУДЬБА

Много раз улыбалась мне ты,
Если гневалась – только любя.
Смотришь с горней своей высоты,
Но и я понимаю тебя.

От судьбы не уйти – вечный страх,
Он в обмане улыбок чужих.
Он над нами парит в облаках,
Улыбнись же, судьба, для других

Даже веру теряя свою,
От мечтаний устав, неудач.
Постоишь у судьбы на краю,
Улыбнись, не печалься, не плачь

Чемен АННАБЕРДИЕВА

Родилась в 1966 г. в селе Геокче этраба Мургап Марыйской области. Дочь Атаджана Аннабердиева, известного туркменского поэта. Стихи пишет с детства. Окончила Государственный педагогический институт русского языка и литературы им. А.С. Пушкина. В 2013 г. стала победительницей творческого конкурса «Золотой век Туркмен», объявленного Президентом Туркменистана. Заведующая отделом газеты «Ватан» («Отчизна»).

КАК МОЛОДЫ МЫ БЫЛИ

Как мальчишка ты бегал за мной,
Признавался отважно в любви,
Это молодость, возраст иной,
Но обратно меня не зови.

Письма бережно, нежно храню,
Отозваться бы памятью чувств.
Я тебя больше жизни люблю,
Но решиться, признаться, боюсь.

Мне печаль никогда не избыть,
Пережить, заменить ее чем?
Были молоды, сердце открыть
не сумела, а ныне зачем?

Поняла – вместе быть не судьба,
Не врала, обмануть не смогла.
Невозможной казалась борьба
за любовь, если жалости мгла.

Годы шли непрерывной чередой,
И казалось, что нет уже чувств,
Но случайная встреча с тобой –
Обернулась в нелепую грусть.

Мне твои прошептали глаза:
– Без тебя мне счастливым не быть!
Но назад возвратиться нельзя,
И тебя невозможно забыть.

СЕРДЦЕ

Уймись же, тревожное сердце мое,
Не рвись из груди скакуном.
И мысли мои покидают жилье,
На волю бегут напролом.

В дорогу, в простор так и рвется душа,
Где алых тюльпанов заря,
Как вечная молодость вновь хороша,
А жизнь прожита – и не зря.

Пророчески место свое обретут
Мечты, даже если они
меня огорчат в эти долгие дни,
И шепчут: – Любовь сохрани!

И МЫ УЖЕ НАВЕКИ БУДЕМ ВМЕСТЕ...

15 января исполняется 230 лет со дня рождения Александра Грибоедова

Душенька... Бесценный друг мой, жаль мне тебя, грустно без тебя как нельзя больше. Теперь я истинно чувствую, что значит любить. Прежде расставался со многими, к которым тоже крепко был привязан, но день, два, неделя – и тоска исчезала, теперь чем далее от тебя, тем хуже. Потерпим еще несколько, ангел мой, и будем молиться богу, чтобы нам после того никогда более не разлучаться...

Вчера меня угощал здешний визирь, Мирза Неби, брат его женился на дочери здешнего Шахзады, и свадебный пир продолжается четырнадцать дней... Однако, душка, свадьба наша была веселее, хотя ты не шахзадинская дочь и я не знатный человек. Помнишь, друг мой неоцененный, как я за тебя сватался, без посредников, тут не было третьего. Помнишь, как я тебя в первый раз поцеловал, скоро и искренно мы с тобою сошлись, и навеки. Помнишь первый вечер, как маменька твоя и бабушка и Прасковья Николаевна сидели на крыльце, а мы с тобою в глубине окошка, как я тебя прижимал, а ты, душка, раскраснелась, я учил тебя, как надобно целоваться крепче и крепче. А как я потом воротился из лагеря, заболел и ты у меня бывала. Душка!..

Когда я к тебе ворочусь! Знаешь, как мне за тебя страшно...

Давеча я осматривал здешний город, богатые мечети, базар, караван-сарай, но все в развалинах, как вообще здешнее государство. На будущий год, вероятно, мы эти места вместе будем проезжать, и тогда все мне покажется в лучшем виде.

Прощай, Ниночка, ангельчик мой. Теперь 9 часов вечера, ты, верно, спать ложишься, а у меня уже пятая ночь, как вовсе бессонница. Доктор говорит – от кофею. А я думаю – совсем от другой причины. Двор, в котором свадьбу справляют, недалеко от моей спальни, поют, шумят, и мне не только не противно, а даже кстати, по крайней мере не чувствую себя совсем одиноким. Прощай, бесценный друг мой... Целую тебя в губки, в грудь, ручки, ножки и всю тебя от головы до ног. Грустно.

Весь твой
А. Гр.

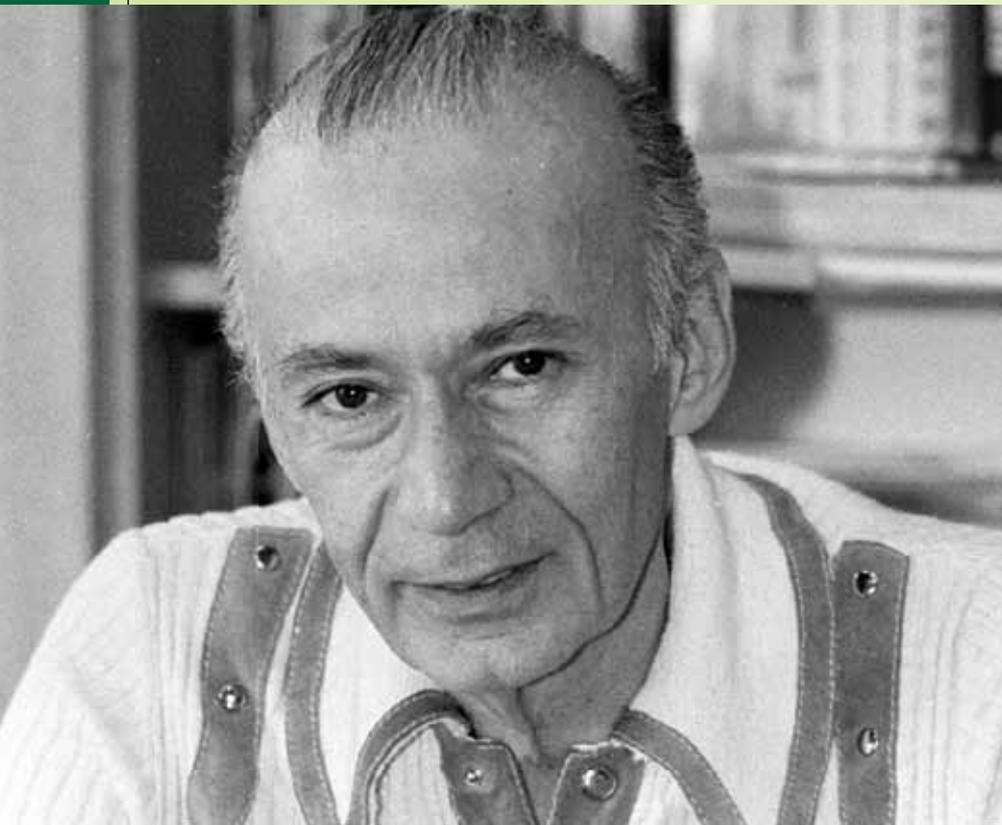
Завтра Рождество, поздравляю тебя, миленькая моя, душка. Я виноват (сам виноват и телом), что ты большой этот праздник проводишь так скучно, в Тифлисе ты бы веселилась. Прощай, мои все тебе кланяются.

Коли будешь иметь оказию к папеньке и в Тифлис к бабушке и маменьке, пошли им всем поклон от меня, и Катиньке и Давыдчику, я скоро сам буду ко всем писать.

*Из письма А.С. Грибоедова Н. А. Грибоедовой.
Сочельник. 24 декабря 1828. Казбин*

Что только не перенесла твоя бедная Нина с той поры, как ты ушел. Мы скоро свидимся, свидимся... и я расскажу тебе обо всем. И мы уже навеки будем вместе, вместе...

Слова Нины Чавчавадзе, сказанные перед кончиной

ГИГАНТ ЖУРНАЛИСТИКИ

■ **Тенгиз ПАЧКОРИЯ**

В многотысячной армии журналистов, писателей, публицистов своего времени Мэлор Стура, лауреат множества премий, автор десятков книг, всегда стоял особняком. Несмотря на то, что значительная часть его деятельности прошла в условиях советской цензуры, он в своих статьях в газете «Известия» и других изданиях, в своих книгах очень интересно, в особом, сразу узнаваемом стиле, рассказывал о жизни западных стран, о значительных политических, культурных и спортивных событиях.

Мэлор Стура родился и вырос в Тбилиси, в семье Георгия Стура (в 1942-1948 годы – председатель Президиума Верховного Совета Грузинской ССР) и Нины Абуладзе. Родители назвали сына сугубо советским именем Мэлор – Маркс-Энгельс-Ленин-Октябрьская революция. В детстве и юности Мэлор увлекался историей, литературой, любил футбол и шахматы, успешно выступал в шахматных турнирах, получил первый разряд. Но тяга к истории и политике взяла вверх. Школу в Тбилиси он закончил в 1944 году с золотой медалью, в 1949 году с отличием окончил МГИМО. С 1950 года работал в газете «Известия» (корреспондентом, заместителем редактора, руководителем отдела по развивающимся странам). В качестве специального корреспондента газеты сопровождал первых лиц СССР в зарубежных поездках. Работал собственным корреспондентом «Известий» в Лондоне, Нью-Йорке, Вашингтоне. В 1982 году в ответ на выдворение из СССР главы московского бюро журнала «Newsweek» Эндрю Нагорски Госдеп США выдворил Стура из страны. Во время

путча в августе 1991 года поддержал Бориса Ельцина. С 1991 года он был профессором Института общественной политики Миннесотского университета. В начале 2000-х годов Мэлор работал в США в качестве обозревателя газеты «Московский комсомолец». В 1990-2000-х годах передавал репортажи и в грузинские газеты. Скончался 1 июня 2021 года в Миннеаполисе в возрасте 93 лет.

С юности я восхищался тем, как красиво и содержательно Мэлор Стура рассказывает в своих репортажах о происходящем в Великобритании и США, умело обходя препоны цензуры. Мой отец Бочия Пачкория, который ежедневно покупал сухумские, тбилисские и московские газеты, читал в первую очередь спортивные издания, а потом – «Известия» и статьи Стура. Он часто вслух удивлялся: «Как это Мэлору разрешают такие статьи печатать?».

Свой «секрет» Стура спустя годы объяснил сам: «Да, я был журналистом, который в основном писал о том, что надо было писать. Почему читали мои очерки? Все знали, что, конечно, там будет небольшой слой пропаганды, идеологии, а потом будет просто интересно, ибо я описывал то, что я видел в Америке, поэтому мои очерки были как бы двуслойные. С одной стороны, конечно, антиамериканизм, но с другой – было очень много познавательного. И мой читатель, будучи, конечно, умным читателем, умел отделить верхний слой необходимой пропаганды и ту фактуру, суть, которую он впитывал в себя. Мои очерки, скажем, о США, были в основном построены на этой двусмысленности. Помню, Юрий Жуков, мой главный противник, говорил – Стура очень опасен тем, что своим талантом совращает людей, что является проводником буржуазного стиля в нашей журналистике. Он понимал, что я подрываю общую стилистику советской журналистики. Или отсутствие ее».

Еще школьником, в родном Сухуми, я мечтал познакомиться с Мэлором Стура. Пытался через знакомых отца, а среди них были именитые спортсме-

ны и деятели культуры Грузии, Украины и России, найти возможность пообщаться с ним, ведь именно статьи Стура сыграли немалую роль в том, что я решил стать журналистом.

В 1970-е поступить на факультет журналистики университетов СССР было непросто (к тому же такие факультеты были не в каждом университете) – не только из-за высочайшей конкуренции, но и разного рода условий и формальностей. Поэтому я решил поступать на исторический факультет, а потом, по ходу пьесы, перестраиваться на журналистику. Став в 1976 году студентом исторического факультета Донецкого государственного университета, я прилежно изучал историю и – готовил себя к журналистской работе. Читал множество газет и журналов, присматривался к тому, как журналисты пишут на международные, общественно-политические, спортивные темы. И в школьные, и в студенческие годы слушал западные радиостанции – меня интересовало не только содержание передач, но и манера изложения новостей и ведения репорта-

жей. Я сравнивал работу советских и западных журналистов, пытался разобраться в реальной сути событий.

В начале 1980 года я написал несколько писем Мэлору Георгиевичу, который тогда работал в США – отправлял письма в Москву, в «Известия», в надежде, что редакция по своим каналам передаст их Стура. Обращался я и к самой редакции газеты – писал о том, как мне нравится стиль репортажей Мэтора Георгиевича, просил прислать его адрес в США или дать возможность познакомиться с ним в то время, когда он будет в Москве. Честно сказать, я не думал, что мои письма, адресованные Стура, пойдут дальше Москвы, и что спецорганы позволят им дойти до адресата. Но вот на ответ из газеты очень надеялся. И мои ожидания оправдались. В один прекрасный день я получил письмо из «Известий»: мне сообщили, что в середине июля 1980 года Мэлор Георгиевич приедет в Москву в отпуск, и я смогу встретиться с ним в редакции.

Мне было 20 лет, и получасовая беседа с Мэлором в

Москве, в здании газеты «Известия», стала для меня очень значимой. Узнав о моих планах стать журналистом и о том, что к тому времени я имел несколько публикаций в студенческих изданиях Украины и ряде газет Грузии, Стура посоветовал мне больше писать о спорте, который я очень любил и знал. «Тенгиз, в газетах, на радио и телевидении в области спорта меньше цензуры, чем при освещении общественно-политических или исторических событий. А потом время покажет – наступит день, будешь писать и на другие темы», – сказал мне Мэлор Георгиевич. Дал он и еще один важный совет: «Если кого-то критикуешь, всегда оставляй для него запас пространства, не прижимай к стенке окончательно, дай возможность исправиться и выровнять ситуацию. Журналист – это не судья, который выносит окончательный приговор». И наконец: «Не расстраивайся, если какие-то редакции не будут публиковать твои материалы. Если что-то не напечатают, ищи другие темы, импровизируй, пиши, не робей. Все постепенно наладится».

Этот разговор запал в мою голову. После окончания в июне 1981 года истфака ДонГУ я три месяца работал учителем истории в городе Бело-зерск Добропольского района Донецкой области, затем полтора года служил в армии. Почти весь период службы я был корреспондентом армейской газеты Киевского военного

округа в Донецкой области, публиковал материалы по спортивной и культурной жизни войсковых частей. Вернувшись в родной Сухуми, три года работал преподавателем истории в Грузинском институте субтропического хозяйства и более пяти лет – учителем истории в школах родного города, и с еще большей интенсивностью публиковался в газетах – сухумских, тбилисских и московских, затем сотрудничал с радиостанциями Грузии, России, Украины и других респу-

блик СССР. Потом наступил период перестройки и гласности с их плюсами и минусами, и это позволило писать более свободно и на общественно-политические, и на исторические темы. Я часто вспоминал слова Мэлора, сказанные в 1980 году в Москве. И напомнил ему об этом в 1987 году, когда он приехал в Сухуми. «Тенго, я помню нашу встречу в Москве, – сказал Мэлор. – Я ведь согласился встретиться с тобой потому, что ты буквально атаковал своими письмами редакцию «Известий». Рад, что ты правильно понял мои советы. Сейчас уже нет такой цензуры, как прежде. Дерзай!»

Конечно, я не один такой – ценитель и поклонник таланта Стурúa. Я знал немало журналистов в разных странах, на которых творчество Мэлора Георгиевича оказало огромное влияние – именно на его статьях и книгах многие из нас учились профессии. Помню, как вспоминал о нем Юрий Коваленко, работавший под кураторством Стурúa собкором в Маниле: «Он был самым блистательным автором в тогдашней плеяде именитых известицез-международников, и причиной тому были не только тексты. Мэлор был потрясающим рассказчиком, который с равным удовольствием выступал на телевидении, радио, редакционных планерках, летучках, чаях и даже на партсобраниях. Впоследствии Стурúa признавал, что колебался вместе с линией партии, но это его ни в коей мере не смущало. Мэлор любил позу, красивый жест, экстравагантные одежды, свой красный американский «Додж», который, похожий на НЛО, стоял у здания «Известий» на Пушкинской площади и собирал толпы зевак. Я знал многих людей, которые подписывались на нашу газету только для того, чтобы читать репортажи Стурúa».

В 1996-2017 гг. я часто общался со Стурúa по телефону – звонил ему из Тбилиси в США. Не скрою, мы по-разному оценивали те или иные события, но я всегда с безусловным уважением относился к его таланту, к его мастерству и к его убеждениям.

Кстати, он прекрасно разбирался в футболе, баскетболе, шахматах. Вместе с Борисом Федосовым Мэлор стал автором книги «Футбольный Альбион, 1966» – увлекательный рассказ о VIII чемпионате мира по футболу, прошедшем в Англии. С каким упоением специалисты и любители футбола читали эту книгу! Он и сегодня очень увлекает читателя – вы найдете на этих страницах и историю похищения и неожиданного спасения главного в то время приза чемпионатов мира – Кубка Жюля Римэ, Золотой богини Нике, прочтете, как плакал травмированный Эйсебио, как был удручен Пеле, тоже получивший травму. И о том, как сборная СССР завоевала бронзовые медали, единственные в истории советского футбола, за итоговое 4-е место.

«Эта книга сделала меня всемирно известным, – признавался Мэлор Стурúa. – Ни одна другая не принесла мне такой популярности, как эта».

Некоторые ее эпизоды я до сих пор помню почти наизусть. Например, рассказ о матче 1/4 финала Венгрия – СССР: «За несколько минут до начала четвертьфинального матча СССР – Вен-

грия, когда поле стадиона «Рокер-парк» все еще оккупировал сводный оркестр расквартированных в Сандерленде воинских частей, кто-то из советских журналистов пустил по рядам своих коллег весьма своеобразную эстафету – коробочку валидола. К ней приложились буквально все – и стар, и млад. И закаленные в боях ветераны и зеленая, еще необстрелянная молодежь. Даже заслуженные мастера спорта Андрей и Николай Старостины. Вся эта церемония проходила на полном серьезе, без единой шутки. Впрочем, кто из советских болельщиков не волновался в ту памятную субботу, сидя на трибунах «Рокер-парка» или вдали от Сандерленда – у радиоприемников и телевизоров! В третий раз наша команда выходила в четвертьфинал розыгрыша Кубка Жюля Римэ. Неужели в третий раз мы споткнемся «на эфтом самом месте». Очень хотелось верить, что нет.

После матча в газетном отчете о нем легко было подтрунивать над собственным волнением, валидолом и суеверием. Да, да, суеверием. По предложению заслуженного мастера спорта Анатолия Акимова, мы расселись в ложе прессы не согласно нашим билетам, а так, как это было в победном матче с Чили. Бедный Анатолий Акимов! Прославленный «вратарь республики», смело смотревший в глаза многим грозным форвардам, последние десять-пятнадцать минут матча, когда венгры вели отчаянный штурм наших ворот, смотрел не на поле, а на часы, повернув побелевшее лицо к будкам радиокomentаторов.

Трудными были последние минуты матча. Стрелки часов на противоположной трибуне словно примерзли к циферблату. Фоторепортеры забыли про аппараты. По нашему ряду опять прошла коробочка с валидолом...»

На том чемпионате в составе сборной СССР, напомним, выступали и грузинские футболисты – Муртаз Хурцилава, Слава Метревели, Георгий Сичинава (все трое – из «Динамо» Тбилиси) и Анзор Кавказашвили (в то время он играл за «Торпедо» Москва). Тогда сборная СССР вышла в полуфинал ЧМ – это был первый и последний выход советской сборной в одну вторую мирово-

С Евгением Примаковым

С Джорджем Бушем-младшим

го первенства.

Недавно я попросил проживающего в Москве уроженца Батуми Анзора Кавказашвили вспомнить о его встрече с Мэлором в Англии в 1966 году. «До приезда в Лондон я знал, что там работает журналист Мэлор Стурау, – рассказал Анзор, – не раз читал его репортажи в «Известиях». Но не ожидал, что увижу его во время приема сборной в посольстве СССР в Лондоне. Он подошел к игрокам, тепло поздоровался. Узнав грузинских футболистов, сердечно поприветствовал нас по-грузински, пожелал удачи. Это было очень приятно. А потом, конечно, мы долго говорили о футболе. Увы, это была моя единственная встреча с великим журналистом».

Легендарный Муртаз Хурцилава подтвердил, что встреча с Мэлором Стурау в Лондоне была незабываемой. «Нам, грузинским футболистам, игравшим в сборной СССР, не так часто приходилось видеть наших соотечественников во время зарубежных поездок, – признался Хурцилава, – поэтому появление такого знаменитого человека, как Стурау и его теплое общение с нами, молодыми 22-25-летними игроками (разве что Славе Метревели было уже 30 лет), очень нас обрадовало. Кстати, он отлично разбирался в футболе».

Знаменитая грузинская журналистка и режиссер Нана Гонгадзе (с конца 1993 года она живет и работает в США) рассказала мне о своей встрече с Мэлором Георгиевичем на саммите НАТО в Вашингтоне в апреле 1999 года: «Никогда не забуду эту встречу. Я тогда работала корреспондентом казахстанского телевидения «Хабар» в США. Мы встретились и разговорились на пресс-конференции. В приталенном костюме с бабочкой Мэлор выглядел очень молодо и элегантно, а ведь ему тогда уже минуло 70. Меня поразила доброжелательность и улыбочивость Мэлора, живость его характера. А еще то, как он говорил – весело, бодро и очень интересно».

Да, он не переставал нас удивлять. Разве не поразительно – в 83 года дебютировать в поэзии, а в 87 лет – издать лирический томик «Стихотворения конца жизни».

И многое из того, что вы хотели бы узнать о самом Мэлоре Стурау, вы узнаете из его стихов. Например, вот таких:

СИЯЙТЕ, ВАШЕ СИЯТЕЛЬСТВО!

Его жизнь – как умопомрачительный роман или киноэпопея – богата потрясающими событиями, встречами, именами... Им самим и о нем уже написаны замечательные книги (одну из них мы даже опубликовали в нашем журнале – в десяти номерах за 2023 год), и все-таки это настолько безгранично одаренный человек с уникальной судьбой, что о нем еще писать и писать.

Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский, потомственный аристократ (если кто не в курсе – Пушкин в «Медном всаднике» описал дворец Лобановых-Ростовских в Петербурге), потомок легендарных Рюриковичей, геолог, банкир, спортсмен, меценат, общественный деятель, коллекционер, собиратель театрально-декорационного русского искусства первой трети XX века, почетный доктор Санкт-Петербургской Академии художеств, почетный член Российской академии художеств, кавалер Ордена Дружбы и далее, и далее, и далее. Всех званий и наград не перечислить.

6 января Его Сиятельству исполнилось 90 лет.

90 лет, прожитых даже с некоторой лихостью, но всегда – в трудах, с добрым отношением к ближним и действенной помощью людям и странам, в первую очередь, конечно, России.

Его Сиятельство много лет назад удостоил меня своей дружбы, и за эти годы, слава Богу, ничто и ни разу не омрачило наших отношений. Я наслаждаюсь общением с Никитой Дмитриевичем и счастлив, что судьба подарила мне такого надежного друга и упоительного собеседника.

А его отношению к Грузии – щедрому, уважительному, влюбленному – многим из нас, я считаю, не грех и поучиться. Поучиться тому, как надо относиться к стране, которую ценишь и которой желаешь добра.

С юбилеем, Никита Дмитриевич! Сияйте долго, Ваше Сиятельство! Да не уменьшится никогда Ваша тень на земле!

Николай Свентицкий

«МАСЛЯКОВ НЕ НУЖДАЕТСЯ В ЗАЩИТЕ»

■ **Нелли СКОГОРЕВА**

КВН может нравиться или нет, но он жив. С этим никто не спорит.

К Александру Маслякову можно относиться как угодно, но он был (да и останется навсегда) легендой для миллионов зрителей. И с этим тоже никто не спорит.

Наверное, поэтому, когда Александра Васильевича не стало, сердце защемило почти у всех – ведь он был вхож в каждый дом, начиная с 1964 года. Ровно 60 лет.

Своими воспоминаниями об Александре Маслякове с нашим корреспондентом поделились режиссер, постоянный член жюри КВН, капитан сборной команды КВН Баку, не проигравшей с 1967 по 1972 год ни одного состязания, Юлий Гусман и сценарист, телеведущий, редактор Высшей лиги КВН, капитан команды МХТИ в 1986-1987 гг. Михаил Марфин.

Юлий Гусман:

– В 1964 году в мой родной город Баку пришло Центральное телевидение. На маленьком экране в нашей коммунальной квартире у соседки тети Кати мы впервые увидели и парад на Красной площади, и Большой театр, и КВН. Мы заболели этой игрой! Все в Баку заиграли в КВН: в университетах, в школах, в воинских частях. Для отбора игроков в Баку приехала делегация, в том числе будущая супруга Саши Светлана, тогда еще не Маслякова, красивая русская девочка с косой. Она теперь говорит, что не было косы, но я утверждаю, что была. Светлана работала ассистенткой режиссера передачи. Принимали мы их достойно, как и положено в Баку. Это все очень приятные воспоминания. Нашу команду пригласили во всесоюзный телевизионный КВН. И тогда я в первый раз увидел Маслякова на сцене. До него были другие ведущие: Алик Аксельрод, Элем Климов – будущий кинорежиссер, еще кто-то, но я их в КВН не видел. К этому времени Масляков уже вел передачу с очаровательной Светланой Жильцовой. Саша был молодым, стройным, подтянутым, энергичным, с горящими глазами и с нормальной человеческой улыбкой, не похожей на улыбки остальных ведущих ТВ, которые, видимо, с трудом выносили звездность на своих узких плечах.

Первые выпуски КВН шли в прямом эфире. Мы знали, что можно говорить, что нельзя. Хотя случались и острые выступления. Например, что у нас Каспий загрязняется или что нефть кончается. В 1971 году участникам запретили выходить на сцену с бородой, в которой цензоры разглядели «стеб» над Карлом Марксом. С конца 60-х и после возобновления программы КВН почти всегда шел в записи.

КВН продержался на советском экране одиннадцать лет, в течение которых наша команда «Парни из Баку» часто выигрывала, а Саша блистал на сцене своим обаянием в качестве ведущего. В 1970 году мы стали абсолютными чемпионами всех лет, победив в финале замечательную команду Одессы, неко-

С. Маслякова, Ю. Гусман, А. Масляков

торые участники и болельщики которой до сих пор не могут нам простить эту победу.

Старшее поколение помнит, какой огромной популярностью пользовалась эта программа. К сожалению, в 1972 году приказом тогдашнего министра Лапина КВН был придушен под предлогом, что им не хватает камер, пленки или еще чего-то. В 1971 году вышел наш последний совместный эфир.

Саша обрастал дурацкими слухами еще во времена первого призыва КВН. Говорили, например, что он сидел в тюрьме. Конечно, это неправда. Просто всегда находились обиженные и завистливые люди, которым было выгодно дискредитировать и его, и наш клуб.

Саше вменяли в вину создание династии. Мол, вся его семья задействована в этом проекте – и жена, и сын, и внучка, и невестка. В нашей стране создание династии врачей, рабочих и фермеров всегда считалось правильным и прекрасным делом. Александр Васильевич не родился с серебряной ложкой во рту. Когда они со Светланой поженились, Саша с родителями жил в маленькой двушке, и первые пять лет они со Светой ютились там все вместе. Потом родился Сан Саныч, который сегодня взвалил на себя всю тяжесть работы. Я, кстати, был тамадой на свадьбе Сан Саныча. И хочу сказать следующее: этот мальчик жил кавээнком с детства, при этом он блестяще окончил МГИМО, владеет язы-

ками... Династия Масляковых не «захватила КВН», они своим трудом заслужили право считать КВН своим детищем, потому что создателей, к сожалению, уже давно нет с нами. Напомню, что КВН придумали Альберт Аксельрод, Сергей Муратов, Михаил Яковлев и помогавшая им тогда редактор Елена Гальперина. И большое счастье нашего клуба, что руки Масляковых столько лет несли его. Надеюсь, будут нести и дальше. Вся семья как могла старалась вложить в эту игру сердце, душу, профессиональный опыт. И мне кажется, они заслужили благодарность и добрые слова, а не грязь, глупости и подлости, которые иногда позволяют себе люди, не имеющие ни чести, ни совести, ни мозгов. За 60 лет все Масляковы выросли от молодых

Юлий Гусман (в центре) и команда КВН Баку. 1968

неопытных людей до крупных телевизионных мастеров.

А на слухи о коррупции в КВН отвечу так. Я 15 лет был капитаном КВН Баку, а с 1988 года бессменно сидел в жюри на своем месте с краю и утверждаю: ни-ког-да в жизни ни один человек ни с каким поручением или приказом от Саши, ни сам Саша, ни Света, никто не подошел и не сказал: «Надо, чтобы выиграла эта команда». Никому в голову не пришло предложить жюри 1000 рублей или 500 юаней – не важно. Более того, сейчас часто слышу: за участие в жюри певцу N дадут такую-то сумму. Я рад за наш шоу-бизнес. В жюри КВН перебивали самые интересные, яркие представители страны: журналисты, режиссеры, артисты, кавээнщики. И всегда считалось за честь судить игру. И, конечно, бесплатно и на добровольных началах. Безусловно, было бы неожиданно и приятно, если бы за эту работу давали самолет, парход или тележку с конфетами, но КВН родился и остался игрой энтузиастов, художественной самодеятельностью. В этом его прелесть и сила. Когда я сейчас вижу многочисленные порождения и отпочкования КВН, где предлагают миллионы в награду за победу, мне становится грустно.

Я всегда называл КВН Академией телевизионных искусств Александра Васильевича Маслякова. У КВН огромное количество выпускников. Люди заканчивали эту академию, проходя

Ведущие программы «КВН» Светлана Жильцова и Александр Масляков. 1971

огромный путь: после своих региональных конкурсов добирались до Первого канала, попадая в Высшую лигу, становились нарасхват на всех каналах. Сотни выпускников «академии Маслякова» работают сейчас сценаристами, продюсерами, редакторами, актерами, ведущими на ТВ. То есть получилось, что КВН еще и социальный лифт страны. Может, теперь некоторым кажется, что это не их нашли на автобусной остановке в Сочи, в горах Мурманской области или на улицах Воронежа, а они так и родились телевизионными звездами. Между тем они все прошли закалку, отточку, шлифовку в школе Маслякова. Столько разных глупостей и выдумок я выслушал в последнее время от этих людей! Но Масляков не нуждается в защите, потому что это одно из самых больших имен отечественного телевидения и радио.

Когда мы в последний раз общались? В какие-то годы мы с ним много общались, в какие-то меньше, иногда отдыхали вместе с семьями. В последний раз общались довольно давно, потому что он тяжело болел, и справедливо, что семья охраняла его покой.

Последние КВН я видел только по ТВ, потому что в 2021 году неудачно упал, повредил спину и еще не полностью оправился после этого. Но я больше 30 лет сидел в жюри. Многие называют КВН империей или планетой, а мне всегда казалось, что это вид уже забытого и стертого, но прекрасного понятия «художественная самодеятельность».

И чем больше наши молодые люди будут заниматься чем-то подобным – не важно, чем именно: строить кораблики, рисовать, петь, писать доморощенные стихи или играть в КВН, – тем лучше. Главное в КВН – творчество, та самая художественная самодеятельность. И это привнесло в нашу, участников игры, жизнь и жизни миллионов телезрителей много радости и позитива. Игру с удовольствием смотрели и в ней участвовали по всему русскоязычному миру – в Америке, Израиле, Австралии, не говоря уже обо всех республиках бывшего СССР, всюду, где звучит русская речь.

Мне часто снится, что я сижу в жюри, а за трибункой стоит Александр Васильевич, Саша Масляков... Увы! Это уже не произойдет. Но, к счастью, остались телевизионные записи, где всегда молодой и счастливый Александр Масля-

ков ведет корабль КВН по бурному морю штормов и побед. И мы снова можем испытать ощущение счастья...

Михаил Марфин:

– Мы познакомились с Александром Масляковым уже после закрытия первого КВН. Он тогда вел программу «А ну-ка, девушки!», музыкальные фестивали. Он, кстати, был первым ведущим «Что? Где? Когда?». Много чего Александр Васильевич тогда вел, и все успешно. На одной из таких программ мы и познакомились еще в начале 80-х. А уже в 1986 году, когда после 14-летнего перерыва КВН снова выпустили в эфир, команду нашего института в последний момент выбрали в качестве спарринг-партнера для «Одесских джентльменов». Сначала Александр Васильевич был редактором на передаче, но уже в конце первого сезона занял место руководителя программы. С тех пор это стало главным делом его жизни.

В течение десятилетий телевизионная передача КВН жила на его вкусе. Масляков выбирал тех редакторов, которые этому вкусу соответствовали, ну или прививал им его. Вот я, например, работая редактором КВН с 1990 года, могу сказать, что воспитан на его вкусе. И те ребята, которые работали после меня, тоже. И когда мы сидели на просмотрах без Маслякова, говорили: «Нет, эту шутку Александр Васильевич все равно уберет». То есть мы научились понимать, что нужно.

Человек, который делает передачу и редактирует ее, руководствуется своими критериями. Можно назвать это вкусов-

Михаил Марфин

С сыном Александром

щиной, пожалуйста. Но ни у кого не повернется язык сказать, что у Маслякова был плохой вкус. Руководствуясь этим вкусом, он делал ту передачу, которую считал нужным, и отсекал все другое. Это нормально. В искусстве вообще не бывает демократии. Точно так же любой актер может ругаться на тоталитарный характер работы режиссера. В любом жанре на первом этапе стиль работы может быть очень демократичным, но в конце концов наступает режим диктатуры – по-другому в искусстве невозможно. А любимая фраза Маслякова: «КВН пусть маленькое, но искусство». И если это искусство, то оно должно пропускаться через какого-то одного человека, через того, кто отвечает за выпуск. Как показали несколько десятилетий, его решения были правильными.

Он негативно относился к проектам, которые создавали выпускники КВН. Хотя часто они предлагали делать их под брендом его творческого объединения «АМиК», доверяя профессионализму и вкусу Маслякова. Так было и с «ОСП-студией», и с Comedy Club. И я в свое время на этом настаивал, но он жестко ответил, что будет делать только КВН. Позже Масляков объяснил почему: «Все, что кавээнщики делают после КВН, получается

хуже».

Многие ребята, которые ушли из КВН, стали руководствоваться своим вкусом, и далеко не у всех он оказался соответствующим. Они, конечно, что-то позаимствовали у своего учителя, но, когда вырвались на оперативный простор, не все так хорошо стало получаться, а у многих вообще не получилось. Хотя я прекрасно понимаю их старые обиды, когда то, что ты придумал, вырезают за два дня до эфира и тебе приходится все переписывать. Это бьет по самолюбию. Но дело в том, что даже самый маленький служащий всегда найдет миллион поводов для того, чтобы обидеться на своего самого маленького начальника.

Понимаете, он очень любил КВН и кавээнщиков, и были команды, про которые он понимал, что это лидеры. И понятно, что если команда играла много лет, то отношения с ней укреплялись. В таких коллективах он знал всех, и даже когда через годы они встречались, Александр Васильевич называл человека по имени. Вообще, через одну-две игры он уже знал по именам большую часть команды. Очень ценил работоспособность и умение что-то быстро исправить. Случалось, вносил такие правки, что им приходилось переписывать

целые конкурсы за два-три дня или вообще в последнюю ночь. Александр Васильевич задавал КВН очень высокую планку, причем с годами ее повышал. И он строго разделял КВН как движение, которое, развиваясь, имеет право на неудачи, и телепередачу КВН, которая такого права не имеет.

Как-то раз я услышал от Юлиа Гусмана такую фразу: «Люди бывают плохие, хорошие, а бывают замечательные, великие. И к последним неприменимы первые два определения». Я долго размышлял над этой мыслью и в конце концов понял, почему так. Большой человек ставит перед собой большие цели и принимает решения, исходя из этих целей. Хотя, чисто по-человечески, эти решения могут даваться ему очень непросто.

Что ждет КВН? Я не знаю. Возможно, будут какие-то проблемы со вкусом. С другой стороны, я оптимист. На свете существует достаточное количество людей, воспитанных Александром Васильевичем. Надеюсь на то, что КВН – самонастраивающийся механизм, и рано или поздно он, как барон Мюнхгаузен, вытащит себя за волосы из болота, даже если туда попадет.

КАРИ ДА ЧИТИ*

Сказка

■ **Татьяна АСТРИТ**

Человек хотел приручить ветер и создал паруса. Кари подул в натянутые полосы ткани, раз, другой, да так заигрался, что позабыл, кто он такой на самом деле. А когда много веков спустя вернулся в родные края, то решил, что он и вовсе не отсюда.

Единственное, что тревожило его, крылось в каком-то странном чувстве, когда он пролетал мимо резных балкончиков и высоких узорчатых дверей. Они казались ему смутно знакомыми. Он даже заглянул в парочку старинных тбилисских домиков, так сказать, полюбопытствовать в парадной, но был вынужден в спешке покинуть

их, так как появились люди.

И чем-то они его напугали – то ли болтовней своей, то ли излишней неприветливостью. Кари вылетел через разбитое окно и больше в тот переулочек не возвращался. Шли дни, людей в городе прибывало. А к лету нахлынули туристы, да так много, что ветру негде было от них укрыться. И улетел он к виноградной горе, где под старым ореховым деревом стоял небольшой домик, почти хижина. Прежние хозяева перебрались к детям, а его оставили. Завидев Кари, тюль в маковый цветочек на двери тревожно зашелестел, а створка окна громко хлопнула. Дом обрадовался новому хозяину и высказал свою благосклонность.

По ночам под тусклой лампочкой собирались мотыльки

да бабочки. Они беспокойно кружили до самой ночи, пока Кари не выключал свет. Но дом и тогда не оставлял его в одиночестве – то трубой зазвенит, то ветхой верандой над головой заскрипит. Так они и жили.

Каждое утро ветер прогуливался одним и тем же маршрутом. Спускался по лестнице до остановки, садился в маршрутку номер 448 и доезжал до станции Вокзальная площадь. По утрам народу бывало очень много. Пока люди искали свои карточки, Кари, незаметно для контролеров, нырял под турникет и добирался до поезда. На метро-то ехать было всего ничего: три остановки, и вот уж выходить.

*ветер и птичка (с груз.)

Площадь Свободы встречала его несвободным потоком ног, шляп, очков и рюкзаков. Он пробирался сквозь эту живую изгородь на свежий воздух и не мог потом наддышаться в Пушкинском сквере. Честно говоря, Кари обожал разные ароматы, и даже запах сырости в подземных помещениях, вроде метро, приходился ему по вкусу. Но вот людей он не то что недолюбливал, просто сторонился. За столько лет жизни на земле у Кари появились излюбленные места для отдыха. Спустишься с улицы Лермонтова, да угодишь прямо в маленький парк, окруженный со всех сторон деревьями. А в центре стоит фонтан в виде парочки под зонтиком. И капли падают на влюбленных так рьяно, что, кажется, они укрылись не только от дождя, но и от всего мира. Ветер любил там отдыхать знойными летними днями.

Хоть Кари и позабыл свою природу, душа его иногда выпархивала за пределы телесной оболочки и проказничала: то чемодан на колесиках опрокинет, то шляпку с головы какой-нибудь красотки сорвет. И в эти редкие часы ветер становился счастливым и свободным.

Однажды, прогуливаясь в парке, Кари заинтересовался странным поведением воробьев. Точно в танце, пернатые кружились над травой, то вверх поднимаясь, а то спускаясь к самой земле. Кари даже похлопал им, когда они уселись на заборчик неподалеку. И собрался было уходить домой, когда воробьи резко поднялись в воздух и зачирикали, словно призывая Кари к себе.

– Да что там? Что? – спросил он и подлетел к ним поближе.

И сразу же увидел крохотного стрижа, рассекающего крыльями зеленую траву. Птенец передвигался на животе, как змея. А завидев Кари, тотчас замер. Ветер наклонился, чтобы проверить, жив ли птеник. И тот вмиг открыл глаза, пристально взглянув на Кари.

– Живой, живой, – обрадовался он и подумал вслух, – где же твое гнездо, малыш?

Ветер огляделся, но ничего на кронах деревьев не заметил. А птичка снова затрепетала

крыльями и поползла по траве. По правую руку от Кари блеснул осторожный взгляд кошки.

Раздумывать было некогда, он схватил птенца в охапку и улетел подальше от фонтана. Когда же они оказались в безопасности, ветер заглянул в черные испуганные глаза Чити. Кажется, птенец только сейчас начал осознавать всю грозившую ему опасность. Но недолго они изучали друг друга. Чити жалобно зачирикал:

– Покорми меня, покорми меня, добрый...

Птенец призадумался, и ветер сказал, что его зовут Кари.

– А меня – Чити.

– Я знаю, так именуют всех пернатых в округе.

– Покорми меня, добрый Кари, – жалобно повторил птеник.

– Чем же мне тебя накормить? – замаялся ветер.

– Мама приносила нам лакомство из разных червячков. Красные – самые вкусные. Но можно и белые, я не привередливый.

– Но я не твоя мама и не знаю, где раздобыть еду.

Чити жалобно запищал и раскрыл желтый клювик:

– Кушать, кушать хочу. Умираю с голоду. Бедный я, несчастный, очень-очень голодный.

За долгое пребывание на земле ветер хорошо изучил город и даже научился пользоваться гугл-картами. Оглядевшись, Кари заметил неподалеку парочку с телефоном и подлетел к ним. Подул на экран раз, другой, пока не открылись адреса с ближайшими аптеками для животных. На лавочке кто-то оставил пустую зеленую сумку, и ветер забрал ее себе.

– Полезай, вместо гнезда тебе будет, – распахнул он перед маленьким стрижем сумку.

Когда же они добрались до аптеки, то обнаружили, что ничего подходящего из еды в ней не продается. А потому, поразмыслив, Кари с Чити отправились в рыболовный магазин на Марджанишвили. От жары птенец задремал внутри сумки, и ветер не стал его будить.

– Спи, спи, малыш. Заботливый Кари все-все сам решит, – сказал он и повесил сумку на

уличный фонарный столб, чтобы кошки не дотянулись. А сам полетел к магазину, позвенел в колокольчик и дождался, когда дверь откроется. Продавец удивился, что за дверью никого нет. А ветер прошмыгнул в магазин. Внутри находилось три человека. Двое покупателей о чем-то негромко беседовали, а продавец, вернувшись за прилавок, перекладывал рыболовные снасти из одной коробки в другую.

У одного из покупателей в руке ветер заметил телефон. Мужчина стучал толстыми пальцами по кнопкам:

– На что ловить кефаль...

Ветер усмехнулся и подул чуть сильнее, створка окна хлопнула о стену, и на экране телефона высветилось:

– Чем кормить птенца стрижа.

Мужчина нахмурился – у него открылось несколько окон про птенцов. Он нажал на крестик и повторил свой запрос:

– На что ловить кефаль...

Но и в этот раз почему-то открылись вкладки со стрижами.

– Что ты делаешь? – возмутился второй. – А ну-ка, дай мне телефон.

Он повторил запрос, немного изменив порядок слов в предложении, но и у него высветились вкладки с уходом за птицами. Все это время ветер старательно вычитывал информацию. Наконец, он понял, что стрижа нужно кормить небольшими порциями живых червячков по четыре раза в день. Кари поморщился, представив, как в доме его расплозятся червяки. Но тут же вспомнил, как горько птеник плакал от голода, и наплевал на все свои принципы. Кари подул на входную дверь, она громко хлопнула о косяк, продавец выбежал из-за прилавка, чтобы закрыть ее. А ветер в это время забрался в холодильник и вытащил две маленькие баночки.

– Сквозняк, – услышал он вдогонку недовольный голос продавца, – когда же дверь починят!

До дома они добирались сначала на метро до Вокзальной площади, а потом на маршрутке. Благо народу было немного, и Чити мирно посапывал в сумочке. Дом зазвенел и за-

стучал, заведя гостя.

– И тебе привет, – поздоровался Кари, открыл дверь и выпустил птенца на пол.

Чити замешкался. Вместо зеленой травы и рыхлой почвы под лапками у него оказалась гладкая плитка. Испуганный птенец замер на одной ноге, сиротливо поджав другую.

– Ну, что ты как не родной! Проходи же, – всполошился ветер и погладил его по крылышкам.

В ответ Чити развернулся и запрыгнул в ладонь к Кари. Затем поднялся по его рукаву и нежно положил голову ему на плечо. Ветер вздохнул и улыбнулся. Это было таким простым и волнующим, что он на минутку позабыл обо всех трудностях, которые ожидали его впереди.

– Выкормить птенца – большая ответственность. И если ты не готов к ней, то не стоит связываться, – подумалось ему, но он уже принял решение и не собирался отступать.

Так и не сняв птенца с плеча, ветер занялся приготовлением к кормлению малыша. На полу он разложил газету, поставил баночку с кормом, налил в маленькую емкость воду. Чити никак не хотел покидать удобное плечо и едва не запутался в смоляных волосах ветра.

– Куда ж ты лезешь! – воскликнул Кари и перенес птенца на газетку. Не успел он достать из баночки корм, как стриж забрался сначала к нему на ногу, а потом и на живот.

– Ладно, сиди, – смилостивился ветер и поднес пинцет с червячком.

Но птенчик решительно отвернулся. Тогда ветер попробовал дать ему лакомство с другой стороны, но и тут Чити был непреклонен. Откуда бы ни направлял пинцет ветер, стриж неизменно отпихивал его закрытым клювом и, тем не менее, продолжал пищать от голода.

– Что же мне с тобой делать? Если ты не поешь, то умрешь, – грустно проговорил ветер и задумчиво погладил птенца по головке.

И вдруг, как по волшебству, птенчик распахнул желтый клювик. Кари убрал руку, и клювик тотчас закрылся. Он проделал эту манипуляцию несколько раз,

чтобы понять, как работает механизм кормления. И в следующий раз, когда птенец раскрыл клювик, ветер не растерялся и запихнул ему в рот червячка.

– То-то же, – обрадовался он, – какой же ты молодчина! Так держать!

Счастливым птенчик зачирикал, и ветер отправил ему очередную порцию еды.

– Один, два, три, – приговаривал Кари. На четвертом он остановился, перенес птенца на пол, а сам пошел мыть руки. Довольный Чити засеменил к желтому чемодану в углу комнаты и вскоре уснул там.

Каждые четыре часа ветер кормил маленького стрижа. Прошло два дня, прежде чем птенец окончательно пришел в себя. В окошко заглянуло закатное солнышко. И Чити запел:

– Чирик-чирик-чирик!

Кари оторвался от ноутбука, пересел на пол и опустил руку. Птенец тотчас забрался ему в ладонь, как в гнездо. Так они и сидели – птичка пела, а ветер слушал ее с какой-то непонятной доселе ноткой теплой грусти. Он считал себя не слишком-то умелым певцом, но, сам того не ожидая, начал подсвистывать стрижу. Свист получался тихим и немного сиплым. Но Чити обрадовался и запел еще громче. Так они и сидели, пока солнце вовсе не укатилось за гору.

На следующий день в маленьком парке ветер собрал немного зеленой травы, сухих веток и цветов и соорудил мягкую подушку для птенца. После обеда стриж как обычно разгуливал по комнате. Крылья его работали исправно, а хвост волочился за маленьким черным тельцем. Внимательный Кари следил за тем, чтобы ничто не угрожало птенцу. Заметив, что тот направляется к распахнутой настееж двери, ветер забеспокоился.

– Куда это ты собрался, малыш? – Он перенес птенца в гнездо. – Тут лучше посиди. Так безопаснее будет.

Полуденное солнце ключом било в комнату. И спустя некоторое время птенец снова оказался в прихожей. Он быстро-быстро замахал крыльями и, оттолкнувшись лапками от пола, взобрался на низкий порожок. Кари и охнуть не успел, как

стриж перебрался на верхнюю ступеньку крыльца.

– Вот непослушный какой, – рассерженный ветер подошел к нему и сгрел в ладони. А затем посадил его обратно в гнездо. – Сиди тут. Если продолжишь и дальше, мне придется тебя наказать.

Но Чити был непреклонен и пропищал:

– Свободный я, понимаешь, как и ты. Отпусти меня, ветер, на волю.

– Не могу, – заявил ему уставший от спора Кари. – Ты маленький пока. Опасно это. Вдруг тебя кошка съест или человек обидит.

– Так полетели со мной.

– Я-то не птица, – развел руками ветер, – не умею я летать.

– Но как же так? – удивился Чити, рассматривая смоляные кудри ветра, волной спадающие на широкие плечи.

Смущенный Кари пожал плечами. Недолго думая, птенец забрался по футболке прямо под его сердце и нежно приник к нему головой. Глазки его тотчас закрылись, и в полудреме он прошепел:

– Быть может, ты научишь меня летать. Я так хочу увидеть небо.

Кари кивнул, а сам опечалился. Страшно было ему отпустить Чити в небо. Но все же он не мог держать его в клетке. А потому на следующее утро, проснувшись с восходом солнца, Кари отправился с птенцом на прогулку. Путь их лежал через небольшие сельские домики. Повсюду цвели красные гранаты, а пчелы и осы ревностно жужжали над ними, перелетая от одного цветка к другому. Птенчик всю дорогу не замолкал:

– Куда ты меня несешь? А что там будет? А скоро мы придем? Как тут тепло и зелено. Посмотри вон туда. Там огромные ели растут, прямо под самое небо.

– Подожди немного, скоро сам все увидишь, – неизменно отвечал ему осторожный ветер.

Так дошли они до соснового парка. Скамейки пустовали. Не было никого. И Кари отпустил птенца погулять по травке. Веселый и радостный Чити пошел к ближайшему кустарнику.

За ним зорко присматривал осторожный ветер. Переводя вздор с одной сосны на другую, он заметил, как в их сторону направляется старик с ребенком на руках. Ветер тут же поднял стрижа с земли и бережно прижал к себе. Седой старик в белой майке и темных старых штанах приблизился к ним.

— О, что за дивная птичка! Посмотри-ка, Андро, — проговорил незнакомец.

Ревнивый ветер отвернулся от старика. Но стриж все равно был виден людям. И несмышлениш протягивал к нему ручки, что-то агукая себе под нос. Старик подошел ближе.

— Домой пойдем, — совсем рассердился ветер и пошел прочь.

Не нравились ему люди, особенно те, что лезли не в свое дело. А старик с внуком на руках никак от них не отставали.

— Не должно птице в доме сидеть. Свобода ей нужна, — вдруг произнес старик.

Ветер остановился и обернулся:

— Ты что, видишь меня?

— Не вижу, но слышу и чувствую, — ответил незнакомец. А потом добавил: — И Кари не должен прозябать на земле.

— Откуда знаешь, что зовут

меня Кари? Да и кто ты такой, старик?

— О-о-о, — тот потер уставшие покрасневшие глаза, — давно живу. Свет повидал, много чего испытал. А тебя как не узнать, когда я всех твоих братьев наизусть знаю...

— Нет у меня никаких братьев.

— А как же Борей, Эврус, Нотус? Неужели позабыл ты всех?

— Я Кари. А имена, что ты произнес, мне незнакомы.

Ребенок потянул ручки к птенцу, и Чити зачирикал.

— Можно погладить? — спросил старик. — Уж больно внучок просит.

— Да, — ветер подошел к ребенку и протянул руку со стрижем. — Только не сильно.

Внучок сразу заулыбался, захлопал в ладоши, посмотрел на Кари, а потом на Чити и сам защебетал, как птенец. Протянул пальчик и слегка дотронулся до отставленного в сторону крыла.

— Отпустил бы ты его на волю, в небо, да и себя тоже.

— Он маленький еще, из гнезда выпал, летать не умеет.

— Так как же он научится, если все время по земле ходить будет? Настоящее небо так не познать. Для этого воздух нужен, — сказал он, — ну, нам пора,

— и отправился своей дорогой.

— Эй, старик, — подумав, окликнул его Кари, и тот обернулся, — куда бы ты полетел, если б мог?

— Да, мало ли мест? Мир-то огромный. А ты тут сидишь, прямо как дерево, корнями врос в землю и никуда тебя не сдвинешь. Небось и на метро катаешься, может, даже дом в ипотеку взял, как сейчас принято.

Смущенный ветер улыбнулся. Он не понимал, откуда незнакомец так много всего про него знает.

— Чем больше вещей, тем сильнее привязанность. Вот у меня и дом был свой, так сгорел. И скотина имелась, так ушла по весне. Место мое было, там я родился и вырос. Да покинул его я. И отправился путешествовать, чтобы силу духа испытать. А пока ты сидишь тут в четырех стенах, твоя жизнь идет у кого-то другого. Что ты тут забыл? Загляни в себя. Кто ты такой, ветер?

— Я Кари, — в который раз повторился ветер.

— Нет, если бы ты был Кари, то не разговаривал бы со мной, сорвал бы с меня шляпу, да пустился бы в пляс с листвой под ногами и этими фантиками, — он взглянул на опрокинутую урну

возле детской площадки. – А пока ты кто угодно, но точно не Кари.

– Так ты не сказал...

– А чего говорить? – отмахнулся старик, а потом, облизнув сухие губы, добавил: – Вон там, за холмом, есть высокая гора. С нее весь город виден. Лети туда, да заведи с собою Чити. Подуешь ему в крылья, и полетит он в самое голубое небо. Ну, прощай, нам завтракать пора, – старик подмигнул внуку, который уже принялся капризничать. – Удачи тебе, Кари. И не забывай, кто ты есть.

– Прощай, старик, – запоздало подул в ответ ветер.

Весь день и весь вечер Кари не находил себе места, он обдумывал слова незнакомца и прокручивал в голове разговор.

– Станный, очень странный старик, – думал он.

На следующее утро ветер сгреб в охапку птенца, да и пошел с ним на высокую гору. Пока он шел, кошка с дерева махнула лапой, и едва не задела стрижа когтем. Ветер рассердился и прижал его к себе сильнее. Затем стая бродячих собак громко залаяла, и ветер совсем помрачнел. Когда же они добрались до места, настроение его было сердитым и скверным.

Он посадил Чити на ладонь и медленно поднял ее вверх, а потом так же медленно опустил, как бы взвешивая. Птенец насторожился, вцепился коготками в руку и для равновесия раскинул крылья. В очередной подъем он засеменил лапками и перебрался на мочки пальцев. Ветер поднял руку снова, и Чити, не удержавшись, упал в густую траву.

– Хо-хо, – завыл испуганный ветер, – ты ж так разобьешься, малыш! – Он присел на лужайку, подобрал птенца и посадил к себе на грудь.

Но Чити довольно быстро перебрался к нему на руку и снова попытался взлететь, спланировав на лужайку. Кари перепугался. Ему показалось, что стриж сломал себе шейку. Какое-то время птенец лежал неподвижно, а потом встал на лапки и побежал прочесывать травяные заросли, широко размахивая крыльями. Ветер на-

гнулся над ним:

– Так, друг мой, не пойдут у нас дела, – забирая его к себе в ладонь, проговорил он, – надо как-то скоординировать наши действия. А давай так, на счет три я взмахну рукой, и ты попробуешь взлететь, но не раньше. Ты все понял?

– Конечно, понял, – прочиркал маленький птенчик.

Ветер усадил его на руку и принялся считать, раскачивая ладонью то вверх, а то вниз:

– Раз, два, и... Три.

На третий взмах Чити спланировал с пальцев, распутив широкие крылья, и более или менее плавно спустился на землю.

– Очень хорошо, – похвалил его счастливый ветер. – Повторим еще разок.

С каждым разом Чити все лучше и лучше приземлялся на ножки. Ветер радостно хлопал в ладоши и даже танцевал вокруг него, подбрасывая в воздух рано опавшую листву.

– Какой ты удивительный ученик! Какой способный!

– Это все, потому что у меня такой потрясающий учитель, – отвечал ему птенчик.

В конце дня они возвращались домой, ужинали, а после садились на крыльцо и вместе пели до самого заката.

– Кари крис, кари крис, чити мгхерис, чити мгхерис...

Что в переводе означало: ветер дует, птица поет.

Наступил второй летний месяц. Ходить на высокую гору и пробовать летать стало ритуалом. Они приходили туда каждый день и делали по три попытки.

Так прошло три недели.

Чити полюбил свой новый дом и мирно посапывал в гнездышке из трав и цветов, пока Кари пропадал в городе.

Однажды после завтрака они вновь отправились полетать. В первую попытку Чити спрыгнул с руки и так сильно замахал крыльями, что на пару секунд задержался в воздухе. Ветер обрадовался, похвалил его. Но птенец спланировал в высокую траву. И когда Кари наклонился, чтобы поднять его для очередной попытки, то увидел в черных глазах птицы такую небывалую мощь, что на миг окаменел. В этом маленьком птенчике отражались

все горы, леса и реки. И вдруг земля показалась ему такой далекой-предалекой, а мир – таким огромным, что все внутри Кари засвистело, заклокотало, закружилось. Он едва пришел в себя.

– Домой, домой, – вслух произнес он, страшась, что видения нахлынут снова.

– А как же еще одна попытка? – возмутился Чити. – Да и где он, твой дом?

Кари махнул по привычке в сторону Лоткини,* а сам ответил:

– Не знаю. Это все, что у меня есть.

– Неправда-неправда, – зашебетал маленький птенчик. – У тебя есть гораздо больше.

– Но все, что я помню, началось с того момента, как я тут поселился. До этого слонялся, как неприкаянный, один туман в голове.

– Так вот почему на горе всегда ветрено, – заметил хитрый Чити.

– Но послушай, при чем тут я? – смутился Кари.

Стриж пожал крылышками и прижался к небритой щеке ветра:

– Просто я так чувствую.

– И он туда же, – припомнил он старика, который каким-то чудным образом его почувствовал.

На горе росли сосенки, Кари расположился в тени под одной из них и посмотрел на раскинувшийся перед ним древний город. Тбилиси потягивался лучами восходящего солнца. И был он не ленив, но вальяжен, и казалось, будто нет ничего важнее, чем это еще не пробудившееся до конца утро.

Последнее время ветер все-таки раздумывал, а не сводить ли Чити к врачу. Хвост его по-прежнему волочился по земле, как ненужный отросток. Но крылья стали работать мощнее и быстрее. И все же он волновался за своего друга.

– Ну, хорошо, – наконец согласился он, подставляя птенцу ладонь, – еще один полет, и домой пойдем.

Чити забрался в ладошку и спросил:

– А почему ты со мною не летаешь?

– Не умею.

– Так почему не научишь-

ся? Я ведь тренируюсь каждый день. Давай вместе, – не отставал от него стриж.

– Не той я породы, – замотал черной косматой головой ветер, – мне летать не дано.

– Но кто, кто тебе сказал такую глупость?

– Не знаю, – пожал плечами ветер, – так всегда было.

– Но ты же Кари! – словно колокольчик, пронесся над долиной голос птицы. – Может, подуешь мне в крылья, когда я взлечу.

– Без проблем. Ну, на счет три.

Стриж внимательно посмотрел в глаза другу и, взмахнув крыльями, слетел с руки. Кари подул чуть сильнее, свистом пронесся его голос над долиной:

– Кари крис, кари крис...

– Чити мгхерис, чити мгхерис, – пропел в ответ птенчик и усерднее захлопал крыльями.

Ему удалось удержаться чуть выше головы ветра и долететь до верхушки сосны. От радости он защебетал:

– Смотри, смотри, Кари, я лечу! Лечу!

Ветер не переставал поддувать ему в крылья, как когда-то в натянутые паруса, и он смотрел на друга, почти не моргая. А Чити тем временем поднимался все выше и выше. Вот уж он перелетел через гранатовое дерево и по косой линии устремился вверх. Кари побежал за ним, напевая песенку во все горло

и одновременно, по привычке, осматривая окрестности на предмет притаившихся в кустах кошек. Но птица поднималась высоко в небо.

Вдруг Кари остановился на пригорке.

Радость и грусть сжали его сердце в тиски – Чити завернул за гору и скрылся. Ветер очнулся, побежал за ним быстро-быстро и даже не заметил, как ноги его оторвались от земли. Всего мысли Кари были направлены лишь на то, чтобы успеть вовремя. Там, за поворотом, начинался грузинский поселок, стояли домики, огороды, лаяли собаки и кошки сидели на крышах. Но нигде не было видно маленького птенчика. Ветер обессиленно упал на траву, закрыв голову руками, и всхлипнул.

– Нет, нет больше моего друга.

И тут откуда-то с неба послышалась песенка:

– Чити мгхерис, чити мгхерис...

Кари поднял заплаканные глаза к небу и увидел, как над ним кружит Чити, а вместе с ним и стайка серых воробьев.

– Кари крис, кари крис, – тотчас отозвался он.

И вместе они допели куплет:

На земле, как и в небе,
в небе, как и на земле...

А потом к ним присоединились и другие пернатые, они танцевали и пели над ветром на разные голоса. И не было нико-

го счастливее Кари. На глаза его навернулись слезы, слезы гордости и печали. И эти чувства смешивались в нем, как земля и небо. Он стоял, высокий и могучий, и пел.

И вдруг Кари почувствовал, как внутри него что-то пробудилось, затрепетало и забилось. Вместе с птицами он пел еще громче, когда его ноги оторвались от земли. Он поднимался все выше и выше, миновал и гору, и ряд стройных сосенок, и вот уж сам город остался далеко внизу. И волны в океане столкнулись в одну огромную волну. И увидел Кари, как низко склоняются к земле многолетние деревья, а древние скалы сбрасывают с себя по камешку в пропасть.

И счастье охватило Кари. Он каким-то чудом ухитрился взглянуть на оставленный в розоватом закате домик на горе возле орешника и попрощаться. А затем сбросил с себя одежду и поднялся высоко-высоко – в небо, туда, откуда он и был родом. И больше ни одни паруса не могли сами поймать ветер, только те, которые выбирал он сам. А потому на корме каждого корабля сидела маленькая деревянная птичка. И по утрам вместе с плеском волн в небе разливалась песенка:

– Кари крис, кари крис, чити мгхерис, чити мгхерис...

Ташкент. 2014

ЗОЛОТЫЕ РЕБЯТА

■ **Тенгиз ПАЧКОРИЯ**

В прошлом году исполнилось 60 лет с того памятного дня, как 18 ноября 1964 года в Ташкенте тбилисский футбольный клуб «Динамо» завоевал звание чемпиона СССР. Под занавес юбилейного года в Тбилиси состоялась презентация книги-фотоальбома «Окрос бичебის დაბრუნება» («Возвращение золотых ребят»), посвященного этому важному событию в истории отечественного футбола. Автор – журналист Лаша Годуадзе, и это его 24-я книга за последние 20 лет. Поддержку изданию оказали Ассоциация спортивных журналистов Грузии (АСЖГ) и Министерство культуры и спорта страны.

Выступая на презентации, Л. Годуадзе рассказал, что в книгу включены не только уникальные материалы 1964 года в самом полном объеме, но также статьи и репортажи о визите спортивной делегации Грузии в Ташкент в 2014 году, когда в столице Узбекистана прошли мероприятия, посвященные 50-летию завоевания динамовцами Тбилиси первого чемпионского звания.

Президент АСЖГ, спортивный телекомментатор Общественного телевидения Грузии Гига Гвенцадзе указал на важность

издания таких книг, которые направлены на популяризацию футбола и ознакомление общественности с историей побед ведущей команды Грузии того времени.

Известный публицист Демико Лоладзе (автор 85 книг о грузинском спорте!) подчеркнул: «Динамо» Тбилиси своей красивой и техничной игрой завоевали в XX веке симпатии миллионов поклонников футбола в разных странах мира. А их победа в 1964 году

имела не только спортивное значение – это была важная победа всей Грузии, всего нашего народа».

Напомню, динамовцы Тбилиси два раза становились чемпионами СССР – в 1964, и 1978 гг., пять раз – вице-чемпионами, 13 раз – бронзовыми призерами всесоюзного первенства, два раза – обладателями Кубка СССР, шесть раз – финалистами Кубка СССР, а в 1981 году завоевали Кубок обладателей Кубков европейских стран.

В 1953 году «Динамо» Тбилиси находилось в одном шаге от звания чемпиона СССР, но в результате интриг всесоюзных спортивных ведомств, ин-

Книга-фотоальбом «Возвращение золотых ребят»

«Динамо» Тбилиси – чемпионы СССР-1964

спиритованных, по рассказам очевидцев, тогдашним первым секретарем ЦК КПСС Никитой Хрущевым, команду фактически лишили чемпионства, вынудив ее переиграть в Москве ранее выигранный у «Торпедо» матч, и в переигровке победили торпедовцы. Первое место в том чемпионате занял московский «Спартак», тбилисские динамовцы – второе, а торпедовцы – третье. Тбилисская команда могла стать первой немосковской командой, завоевавшей звание чемпиона СССР. Но... Такой командой стало киевское «Динамо» – победитель первенства СССР в 1961 году. И лишь в ноябре 1964 года, через месяц после отстранения Хрущева от власти, динамовцы Тбилиси сумели впервые победить в чемпионате СССР, выиграв в Ташкенте дополнительный матч у московского «Торпедо». Дополнительный матч был назначен потому, что обе команды по итогам первенства-1964 набрали по 46 очков. Игра в Ташкенте завершилась победой грузинских футболистов – 4:1. Счет на 56-й минуте открыл торпедовец Щербаков, на 73-й Датунашвили с углового забил ответный гол, в дополнительное время Датунашвили, Месхи и Метревели (с пенальти) принесли грузинской команде

полную победу.

Выступая на презентации книги Лаши Годуадзе, я напомнил собравшимся, что тогда, в 1964 году, среди 70 тысяч зрителей матча в Ташкенте было около 10 тысяч болельщиков из Грузии. Они разными путями добирались в Ташкент – поездами, самолетами, автобусами, на легковых автомашинах и мотоциклах. Среди них был и мой отец, давнишний фан футбола Бочия Пачкория. Он с друзьями вылетел в Ташкент из Сухуми. Тогда предварительной продажи билетов на матч не было, и отец обменял свой финский плащ (модный и в то время дефицитный) на 10 билетов. Меня в Ташкент не взяли, объяснив это тем, что «пятилетнему ребенку трудно будет перенести дальний перелет». Помню, я был обижен и расстроен, но потом отец всегда брал меня на матчи динамовцев Тбилиси – в Кутаиси, Тбилиси, Сочи, Москву, Киев, Ереван...

В ноябре 2014 года в столице Узбекистана устроили восторженный прием спортивной делегации Грузии, которая прибыла туда для участия в мероприятиях по случаю победы тбилисского «Динамо» в чемпионате СССР 1964 года. Делегацию возглавлял тогдашний министр спорта и по делам

молодежи Грузии Леван Кипиани, а в ее состав делегации входили выдающиеся футболисты – ветераны 1964 года Илья Датунашвили и Владимир Баркая, бывший капитан тбилисского «Динамо» и сборной СССР Александр Чивадзе, знаменитые Владимир Гуцаев и Отари Габелия, 13 ветеранов «Динамо» 1990-2000-х годов – Арчил Арвеладзе, Александр Иашвили, Михаил Кавелашвили, Гоча Джамараули, Георгий Деметрадзе, Леван Цкитишвили и другие, а также тогдашний президент Ассоциации спортивных журналистов Грузии Гия Горгодзе и несколько спортивных журналистов, в том числе автор этих строк и Лаши Годуадзе.

Членов делегации в своей резиденции принял вице-президент Национального Олимпийского комитета Узбекистана, президент Ассоциации спортивной борьбы страны Салим Абдувалиев.

Состоялся матч ветеранов ташкентского «Пахтакора» и тбилисского «Динамо». Он завершился вничью 4:4.

А все подробности событий 1964 и 2014 гг., как и было сказано, вы сможете найти в прекрасной книге Лаши Годуадзе «Возвращение золотых ребят».

«АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ, Я ТЕБЕ СОЛГАЛ...»

■ Игорь АЛЬМЕЧИТОВ

В российской истории поэт Иван Барков остался персонажем уникальным.

Едва ли не самый известный и недооцененный поэт XVIII века, Барков до сих пор остается тем, чье имя профессиональные филологи, историки литературы и историки российской культуры в целом, стараются обходить стороной в любых дискуссиях. А если «обойти стороной» его имя не получается, стараются максимально быстро и тактично сменить тему. Ибо вслед за упоминанием фамилии Баркова, пришлось бы говорить и о его творчестве, более того — цитировать его стихи, которые по художественному достоинству не сильно уступают стихотворениям великих поэтов «золотого века» русской поэзии, но по содержанию, увы, могут заставить покраснеть даже самых прожженных циников от культуры...

И, тем не менее, без преувеличения можно сказать, что влияние Баркова на русскую поэзию как XVIII, так и XIX века фактически огромно. Достаточно упомянуть, что даже Пушкин с друзьями не просто зачитывались стихами Баркова в юности, участь в Царскосельском лицее, но и откровенно находились под их влиянием. И пытались подражать — если не слогу Баркова, то основной тематике его уникальной поэзии.

Поэт, историк и переводчик, ученик, личный секретарь и помощник М.В. Ломоносова, Иван Барков прежде всего известен тем, что является отцом русской эротической поэзии

или, как назывались подобные стихи в XVIII веке, «срамных од» (ибо при всем эротизме его стихов и лингвистической эстетике поэтического слога, описания любовных подробностей во многих творениях Баркова кроме как метким русским словом «срам» определить сложно).

К тому же не только творчество поэта и его личная жизнь, но и сама его смерть обросли таким количеством невероятных легенд, что теперь уже невозможно утверждать даже с минимальной долей уверенности, что именно из всего приписываемого Баркову (не считая основных вех его биографии и творчества) случилось на самом деле, а что стало плодом устного российского фольклора.

Несмотря на то, что в поэзии Ивана Баркова есть немало выдающихся стихотворений, поражающих изяществом и мелодикой слога, едва ли не всю его жизнь, а с ней и большую часть его творчества, можно вместе в своеобразное воспевание двух ключевых для него тем: пьянства и женской физиологии (да и то лишь совсем небольшой части последней).

В биографии Баркова немало темных пятен. Известно, что родился он в 1732 году то ли в самом Санкт-Петербурге, то ли где-то поблизости от него. Хотя фактическая дата его рождения неизвестна. Происходил он якобы из семьи священника, но даже точное отчество поэта до сих пор остается загадкой. И хотя в большинстве документов его полное имя звучит как «Иван Семенович Барков», некоторые

источники называют его и «Иваном Ивановичем», и «Иваном Степановичем». Более того, изредка встречается написание его фамилии как «Борков».

Впрочем, сам поэт, казалось, не сильно заботился о том, чтобы оставить о себе хоть какую-то память в исторических анналах, предоставив это дело на откуп любителям своего творчества. Сам же всей душой и особенно всем телом отдался трем основным страстям, которые преследовали его с самой юности, а именно: поэзии, пристрастию к алкоголю и увлечению слабым полом. Причем в последнем случае, как сказали бы наиболее воинственные хранители духовных ценностей: «увлечению слабым полом Барков предавался в самой низменной его форме».

Да и пристрастие его к алкоголю было, вероятнее всего, не более, чем страстью промежуточной, которая лишь подвела Баркова к двум основным страстям в его жизни: высокой — поэзии, и низкой — половой распущенности.

Известно, что Иван Барков учился в университете при Петербургской Академии наук — первом светском университете Российской империи, основанном еще Петром Великим. Учился очень неровно, более того, неоднократно был сечен розгами за хулиганство и пьяные выходки, а однажды его даже заковывали в кандалы. В результате, спустя три года обучения, он был исключен из университета с формулировкой «за

Иван Семенович Барков

проступки и дерзости».

Тем не менее, предмет, в котором Барков действительно преуспел, был латинский язык. Познания его в латыни настолько поразили Ломоносова (который к тому времени уже несколько лет преподавал в университете и даже успел стать первым академиком в российской истории в области естествознания), что он пригласил Баркова к себе личным секретарем. Более того, под влиянием Ломоносова Барков даже профессионально начал заниматься историей и лично подготовил публикацию нескольких летописей.

В течение 11 лет Барков работал у Ломоносова и числился официальным сотрудником Академии наук. Через год после смерти академика в 1765 году, Баркова за систематическое пьянство и недостойное поведение окончательно уволили из Академии наук. В течение двух лет он вел полунищенское существование, окончательно спившись и промотав последние деньги. В результате, в возрасте всего 36 лет Иван Барков

скончался...

Но даже версии относительно того, как он умер, до сих пор разнятся. По одной из них, от отчаяния Барков повесился в камине. По другой, вдрызг пьяный, упал в нужник и утонул. По самой романтичной версии, он умер в объятиях двух своих основных страстей – пьяный и в постели с женщиной...

Удивительно и комично, что самому Баркову приписывают более чем ироничную автоэпиграфическую, написанную незадолго до собственной смерти: «Жил грешно и умер смешно».

Комичных же историй, связанных с Барковым, бывало в свое время столько, что было неясно, где заканчивалась в них правда, а где начиналась откровенная выдумка...

А чтобы случайно не оскорбить чьи-то «лучшие патристические» чувства и не разогнуть некие «духовные скрепы», приводя здесь рассказы о любовных похождениях Баркова, проще всего будет упомянуть достаточно типичную для поэта историю, где анекдотически повествуется о его вполне тради-

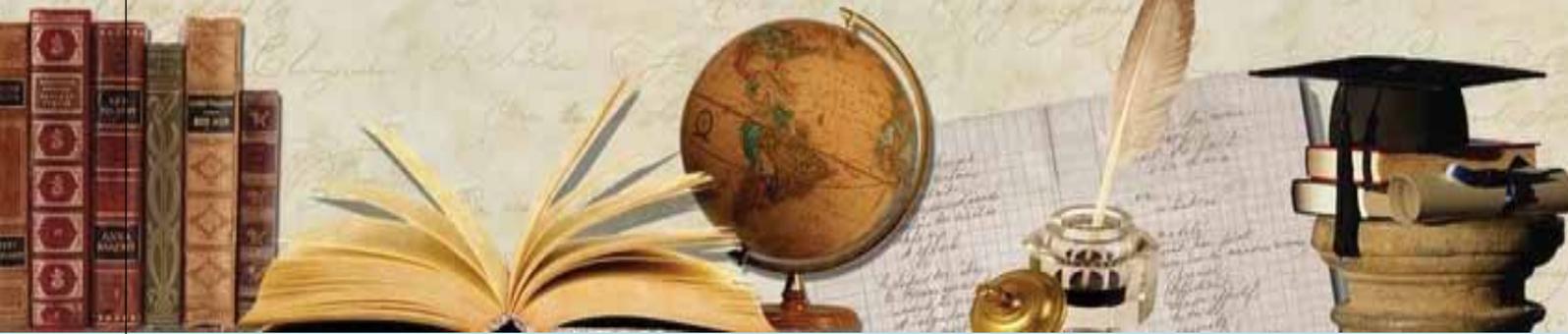
ционной и бескорыстной любви к печально известному национальному напитку.

Граф Александр Петрович Сумароков, поэт, драматург и литературный критик, считается первым профессиональным литератором в российской истории. Происходя из древнего и очень богатого рода, граф Сумароков вполне мог позволить себе заниматься только литературой, нисколько не задумываясь о «ежедневном куске хлеба насущном».

Естественно, общаясь в узком литературном кругу Петербурга со своими «коллегами по цеху», он хорошо знал и Ивана Баркова. Более того, очень уважительно относился к литературным дарованиям последнего. А помимо всего прочего, нередко ориентировался на мнение Баркова, как литературного критика и поэта, включая и его критические замечания касательно собственного творчества.

Как гласит одна из легенд, однажды Барков пришел в гости к графу Сумарокову. Вечно безденежный и часто голодный «отец русского литературного эротизма», не стесняясь, начал с откровенной лести: «Граф, вы поистине великий русский поэт! Первый писатель империи!» Сумароков принял лесть Баркова за чистую монету, пригласил визитера к столу, накормил и предложил выпить водки. В результате, выпив гораздо больше положенного, Барков потерял не только контроль над собой, но и всякий стыд... Уже покидая дом Сумарокова, приостановившись на выходе, Барков повернулся к Сумарокову и произнес: «Александр Петрович, ты меня извини, но я тебе солгал. На самом деле, первый поэт в России – это я. Второй – Ломоносов. А ты – всего лишь третий». Говорят, Сумароков в порыве ярости чуть его не зарезал.

Впрочем, насколько правдива данная история, да, и произошла ли она в действительности, оставим исключительно на суд благодарного и всегда имеющего свое собственное мнение читателя.

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

Бумага все стерпит

В дословном переводе с латыни (*epistola enim non erubescit*) – письмо ведь не краснеет.

Иносказательное выражение о том, что написать можно что угодно, и не всегда написанное – правда.

Источник: письмо Марка Туллия Цицерона своему другу Луцию Лукцею. Правда, великий оратор Римской империи вкладывал в эти слова несколько иной смысл: на письме можно высказывать такие мысли, которые опасаются или стесняются произносить вслух.

Буревестник революции

Шутливое определение возмутителя спокойствия.

Источник: впервые это выражение появилось в 1878 году, в нелегальном листке народо-вольцев «Земля и воля», а широкую известность приобрело в 1901-м, благодаря «Песне о Буревестнике» Максима Горького – образ Буревестника стал символом приближающейся революции.

«Это смелый Буревестник гордо реет между молний над ревушим гневно морем; то кричит пророк победы: – Пусть сильнее грянет буря!»

Буриданов осел

Ироническое выражение о нерешительном человеке, который не может выбрать ни один из вариантов решения проблемы.

Источник: приписывается философу XIV в. Жану Буридану – якобы он уподобил человека осла, который стоит на лугу посе-

редине между двумя одинаковыми копнами сена и не может выбрать ни одну из них, даже умирая от голода. Однако ни в одном из сочинений Буридана такого рода рассуждения нет. А вот Аристотель в своем сочинении «О небе» говорит о человеке, которого мучают голод и жажда, он остается недвижим, поскольку еда и питье отстоят от него на равном расстоянии. Таков парадокс рационального принятия решений: если основа для предпочтения одного варианта другому отсутствует, то сделать выбор невозможно.

Буря в стакане воды

С французского: *C'est une tempete dans un verre d'eau*.

Иронически-иносказательное высказывание о хлопотах, волнениях или спорах по ничтожному поводу.

Источник: такими словами, как написал Оноре де Бальзак в своем романе «Турский священник», философ и писатель Шарля Монтескье охарактеризовал политический конфликт в карликовой республике Сан-Марино.

Похожие выражения: «делать из мухи слона», «гроза в корыте» (древнегреческие поговорки), «поднимать бурю в половнике» (древнеримская поговорка), «Много шума из ничего» (название комедии У. Шекспира).

Буцефал

Шутливое определение коня как надежного друга («Верный Буцефал») или ироническое – по отношению к старой лошади.

Источник: так звали любимого коня Александра Македонского (буквально – «бычьеголовый»). Как писал Плутарх, только этот великий полководец смог укротить строптивого и своенравного коня.

Бывали дни веселые

Шутливое выражение о миновавших лучших временах.

Источник: русская городская песня, популярная в конце XIX-начале XX в. на стихотворение поэта-самоучки Прохора Горохова «Изменница»:

Бывало, в дни веселые,
Гулял я, молодец,
Не знал тоски, кручинушки,
Как вольный удалец.

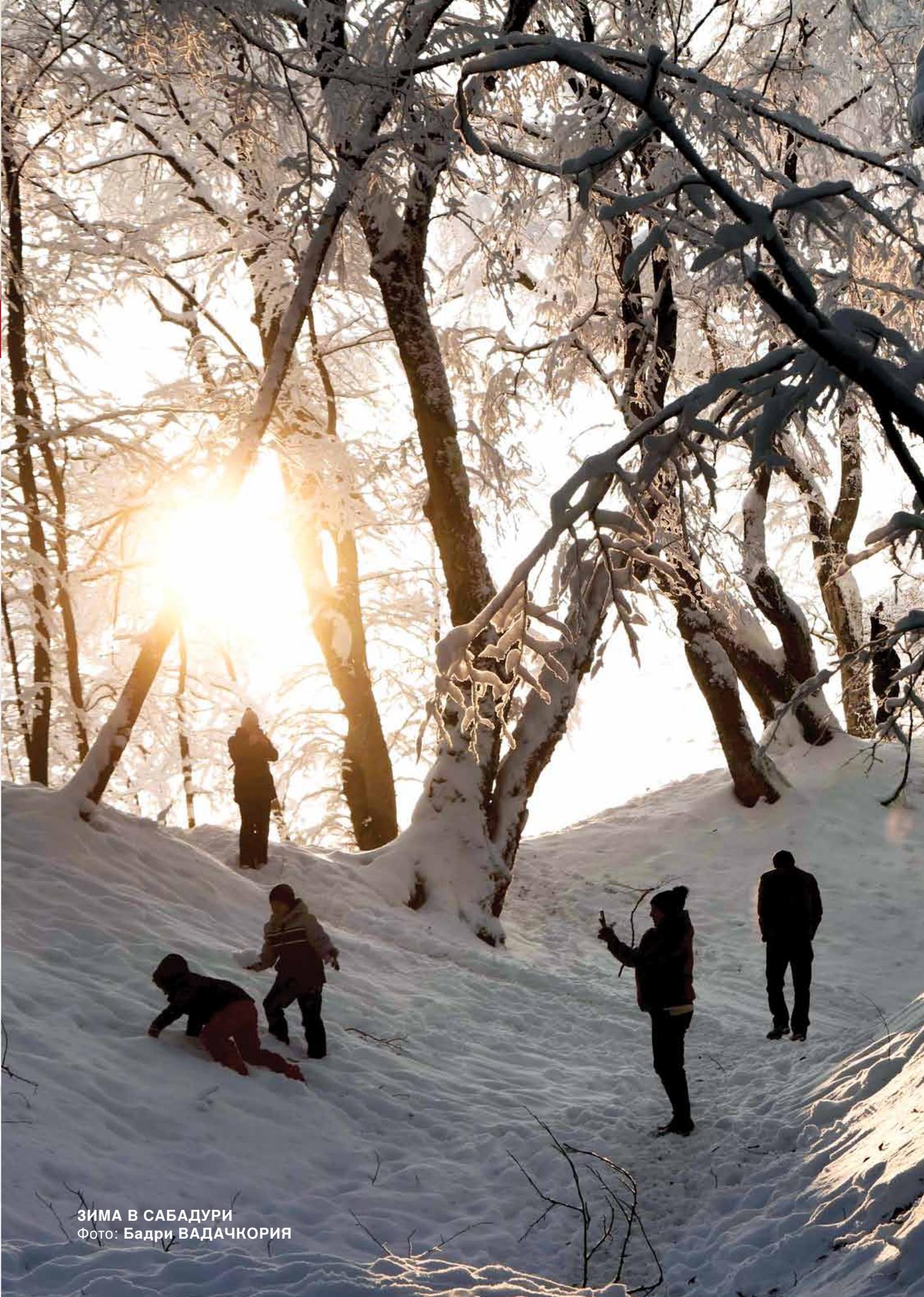
Бывали хуже времена, но не было подлей

Об историческом промежутке, для которого характерны безнравственность и вероломство.

Источник: первая часть поэмы Н.А. Некрасова «Современники»:

«Юбиляры и триумфаторы»:
Я книгу взял, восстав от сна,
И прочитал я в ней:
«Бывали хуже времена,
Но не было подлей».

Некрасов, в свою очередь, цитирует рассказ Н.Д. Хвощинской «Счастливые люди» (опубликован под псевдонимом «В. Крестовский»): «Черт знает, что из нас делается. Огорчаемся с зависти, утешаемся ненавистью, мельчаем... Чувствуем, что падаем, и сами над собой смеемся... Были времена хуже – подлее не бывало!»

ЗИМА В САБАДУРИ
Фото: Бадри ВАДАЧКОРИЯ

